

Анна Шнайдер

Мне не нужна твоя любовь

«Литнет»

2023

Шнайдер А.

Мне не нужна твоя любовь / А. Шнайдер — «Литнет», 2023

Федя и Оля - студенты-третьекурсники и лучшие друзья. По крайней мере были ими, пока в дело не вмешались двое других студентов - «золотая молодёжь» Кира Ахматова и Артём Родин. Кире очень нужен Федя, а вот Оля ей мешает...История Феди и Оли - героев книги «Уроки для двоих».Как обычно, героев можно ругать любыми словами, но друг с другом не ругаться и автора не ругать)))

© Шнайдер А., 2023

© Литнет, 2023

Содержание

Пролог	5
1	7
2	9
3	11
4	13
5	15
6	17
7	19
8	21
9	23
10	25
11	27
12	30
13	32
14	34
15	36
16	38
17	41
18	43
19	44
20	46
21	48
22	50
23	51
24	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Пролог

Кира сидела в беседке и угрюмо смотрела на сад, полный цветов, в том числе насыщенно-алых роз, которые умудрялись цвести почти круглый год, начиная с весны, заканчивая поздней осенью. Каким образом получается превращать обычные растения в такое великолепие у её матери, глупейшей из куриц, Кира не имела понятия, да и не хотела просвещаться. Её всегда раздражали эти бесконечные цветочки повсюду — и в саду, и в доме на подоконниках, а уж мамина любимая зимняя оранжерея вообще бесконечно бесила. Мать проводила там целую кучу времени, пересаживая цветы и поливая их, и Кира не понимала, зачем она всё это делает, если можно поручить подобное садовнику? Глупости какие-то бесполезные...

— Ты звала? — раздался весёлый голос позади, и Кира обернулась. К беседке шёл Артём Родин — её однокурник. — Чего здесь-то встретиться решила? Холодно же сидеть. Не лето.

— Да, не май месяц, — съязвила Кира, скрестив руки на груди. — Поговорить надо спокойно, и чтобы никто не слышал. Давай, иди сюда.

— Иду, — фыркнул Артём и запрыгнул в беседку, проигнорировав ступеньки. Сел рядом, не глядя на Киру, и обвёл глазами сад. — Круто у тебя мама всё-таки с цветами управляется. Мой отец несколько раз уже садовников менял, но ни у кого так не получается.

Кира покосилась на пышные алые розы, окружавшие беседку, — сейчас, в осенних сентябрьских сумерках, они казались капельками крови, застывшими среди зелени сада, — и презрительно усмехнулась.

— Нашёл чем восхищаться — какими-то цветочками!

Артём с иронией покосился на Киру и поинтересовался:

— Так чего ты звала-то?

— Помощь нужна, — буркнула девушка, поджав губы. — С Федей.

— С Клочковым? — Артём развеселился. — Я-то чем тебе с ним могу помочь, конфетка? Держать, что ли, пока ты будешь его насиловать? Я тебя разочарую, но этот номер не пройдет — Федька с десяти лет боксом занимается.

— Дурак! — зашипела Кира, и Артём засмеялся. — Олю Зимину знаешь? Она всё время за ним таскается, как собачонка на поводке. Надоела мне, дура влюблённая. Вообще гордости нет никакой!

— То есть когда ты за парнем с первого курса таскаешься — это нормально и гордость есть, а когда другая девушка — так сразу нет гордости? — насмешливо проговорил Артём, и Кира сжала кулаки.

Ух, она бы ему дала сейчас в глаз! Но нет, нельзя. Потому что только Артём Родин мог ей помочь. Только он. Больше никого с подобным уровнем беспринципности Кира не знала.

— Короче, — прошипела она, поворачиваясь к парню лицом, — ты поможешь или нет? Мне нужно, чтобы Оля Зиминая от Федей моего отстала.

— Он не твой, прошу заметить, — усмехнулся Родин, и Кира едва не зарычала.

— Мой! Я решила, что мой, — значит, мой. А ты отдай Ольку. Очаруй её, пусть в тебя влюбится и за тобой таскается.

— И на кой хрен мне это надо? — иронично протянул Артём, наклоняя голову и рассматривая Киру ярко-синими наглыми глазами. — Мне-то что за это будет?

— Назови цену, — воинственно подняла брови Кира. — Что хочешь за услугу?

Родин молчал, прищурившись, и разглядывал девушку. Нехорошо так разглядывал — словно раздевая. Провёл взглядом сверху вниз, задержавшись на груди, обтянутой шерстяным платьем белого цвета, и в его глазах постепенно начинал проявляться блеск, казавшийся Кире зловещим.

— Два условия, Ахматова, — протянул он, подаваясь ближе и многозначительно ухмыляясь. — Во-первых, пока я буду обрабатывать Зимину, мне нужно спускать пар на нормальной тёлке. Зимина мне не по вкусу. Я хочу тебя. Будешь давать мне, где захочу и когда захочу, — окей, тогда по рукам.

Кира облизнула губы. Что ж, не самое неприятное условие.

— Договорились.

— Это ещё не всё, как ты понимаешь. Второе условие — хочу твою тачку. Нравится она мне.

— Ты совсем офигел, Родин? — взвилась Кира и хлопнула его ладонью по груди. — Что я отцу-то скажу?

— То и скажешь, — пожал плечами Артём, насмешливо глядя на девушку. — Что проспорила. Давай, решай быстрее, Ахматова. Холодно тут сидеть. И вообще скоро уже гости приедут, в том числе и Федя с Олей. Они же вместе приедут, да?

Кира вздохнула, пытаясь успокоиться. Гад, какой же Артём гад и сволочь! Но обаятельный. Зимина точно не устоит.

— Ладно. Я согласна на оба условия.

— Тогда надо скрепить сделку, — довольно улыбнулся Родин и тут же откинулся назад на скамейку, похлопав себя рукой по паху. — Давай, начинай. Заценю, как ты умеешь работать ртом. А то вдруг я продешевил?

Кира вполголоса выругалась, но послушно потянула вниз язычок молнии на его брюках...

1

За два часа до этого...

Оля

— Ты уверен, что мне стоит туда идти? — с сомнением протянула Оля, одновременно с разговором по телефону вглядываясь в недра своего шкафа. — Кира меня не жалуется.

— Конечно уверен! — решительно заявил Федя, и Оля мягко улыбнулась. Клочков абсолютно не замечал ревности Киры Ахматовой, которая увивалась за ним с середины первого курса. Он вообще с некоторых пор не замечал интереса девушек и никому не отвечал взаимностью. — Она сама сказала: приглашает всех однокурсников на вечеринку в честь начала третьего курса. Всех — значит, всех!

— Федя...

— Оля! — рыкнул Клочков. — Я без тебя не пойду, учти. Мне безумно интересно посмотреть, конечно, как живёт эта фифа. Но без тебя — нет!

— И зачем тебе я? — поинтересовалась Оля с той же мягкой улыбкой и, закрыв глаза, постучала лбом по дверце шкафа. Как было бы замечательно услышать хотя бы раз в жизни: «Затем что я тебя люблю», — но нет, на такое глупо надеяться. Если Федя сможет кого-нибудь полюбить, то точно не её. Оля — лучшая подруга, дорогой товарищ, почти родная сестра... но не любимая девушка.

— Я без тебя чувствую себя лишним, — негромко признался Клочков. — Особенно рядом с нашей «золотой молодёжью». У Киры один телефон стоит в два раза больше, чем зарплата моей матери за полгода. А может, и за год.

— Я не настолько хорошо разбираюсь в телефонах, но, думаю, ты прав, — засмеялась Оля, открывая глаза. — Как она, кстати?

— Мама? Хорошо. Не пьёт четвёртый месяц. Это, конечно, не показатель, но...

— Да, — вздохнула Оля. — Лучше, чем раньше.

Мама Феде уходила в запой несколько раз в год, поэтому Оля её не слишком жаловала. Но и не критиковала — знала, что Клочков любит мать, несмотря ни на что. В прошлом году он, учась в институте на дневном отделении, подрабатывал, чтобы накопить ей на реабилитацию — и вроде бы помогло. Но ни Федя, ни Оля не обольщались — зная характер Нины Викторовны, они предполагали, что со временем женщина всё равно сорвётся.

— Ну, так что? Ты пойдёшь?

— Федя...

— Оля! — он грозно, но шутливо повысил голос. — Выбирай: или едем, или плюём на эту встречу и идём в кино.

Оля лучше бы сходила в кино, но она отлично понимала: раз Федя уговаривает, значит, ему больше хочется попасть в загородный дом Ахматовой. Говорят, у неё там открытый бассейн с подогревом... Не зря же Кира говорила, что можно взять с собой купальник? Но Оля, конечно, ничего подобного брать не будет. Не та у неё фигура.

— Мне нечего надеть.

— Да перестань! — Клочков расфырчался, как кот, которому под нос сунули лимон. — Я пойду в том же, в чём в универ хожу. Дресс-код никто не объявлял, да и нет у меня ни фиги. Выпускной костюм вот был, но его мошь сожрала. Спасибо маме, она его зачем-то в свой шкаф повесила, а я и не заметил.

— Федя! — засмеялась Оля: знала, что он нарочно её смешит. — Это мальчики могут являться в дом к богатой однокурснице в джинсах и свитере, а девочкам надо принаряжаться. Индекс тщеславия!

— Ах, вот оно что... — голос Феде зазвенел от смеха. — Тогда я сейчас приду.

— В смысле?

— Наряжать тебя приду! Как ёлку новогоднюю.

— Тогда уж лучше как Снегурочку...

Они хором расхохотались — вспомнили, как в прошлом году подрабатывали как раз Дедом Морозом и Снегурочкой во время новогодних каникул. Ходили по квартирам поздравлять ребятшек. Олина мама — аниматор, помогла устроиться. Неплохо заработали, и Оля хотела отдать все деньги Феде, но он не взял.

— Оля, ну? Решайся!

Она вздохнула. Знала ведь, что всё равно согласится — не умела отказывать Феде ни в чём, — зачем только упрячилась...

— Хорошо. Поехали...

— Отлично! — возликовал Клочков. — Тогда я зайду за тобой через час, ладно? Ты успеешь собраться?

— Ну, я же не Кира Ахматова, — улыбнулась Оля. — Конечно, успею.

2

Федя

До дома Оли идти было не дольше пяти минут, но Феде обычно хватало и трёх — он всегда быстро ходил. А иногда даже бежал, стремясь поскорее прийти в квартиру к Оле, где ему было гораздо уютнее, чем у себя дома. Особенно если мать приводила друзей-собутыльников, выкинуть которых можно было только с дракой, но Ключков избегал конфликтов. Собутыльники его матери были мягкими, как капишошки, бороться с такими — словно бить лежачего. Да и смысл? Только ссориться с мамой. Она всё равно приведёт кого-то на следующий день, а потом будет лежать на диване и храпеть на всю квартиру.

От вечных попок матери Федя сбегал к Оле. Это началось в одиннадцатом классе, когда...

Хотя лучше не вспоминать. Не сейчас. Вспоминать — значит, портить себе настроение, а оно сегодня понадобится.

Под ноги Феде упал абсолютно жёлтый кленовый лист — один из первых, почувствовавших, что лето закончилось и сентябрь близится к середине. Ключков наклонился и взял его в руку. Светло-жёлтый, плотный, с мягкой и чуть прохладной поверхностью, он отчего-то напомнил Феде Олю. Отчего парень и сам не мог понять...

Бросив лист обратно на асфальт, Федя продолжил путь. Зашёл в подъезд, набрав код почти не глядя, поднялся на четвёртый этаж, не воспользовавшись лифтом, и позвонил в квартиру Зиминых.

Открыла Мария Александровна — мама Оли.

— Здравствуй, Федя, — радушно сказала она, распахивая дверь. — Проходи. Оля сказала, что вы собираетесь за город, к какой-то вашей однокурснице. Надеюсь, ночевать не останетесь?

— Ну, я не останусь, а насчёт Оли не знаю... — пошутил Федя, и Мария Александровна погрозила ему пальцем.

— Ты мне это брось! Чтобы привёз её обратно не позднее полуночи.

— Иначе карета превратится в тыкву?

— Не карета, а твоя голова, — крикнул с кухни Леонид Аркадьевич, Олин папа, и Федя засмеялся.

Олины родители понравились ему с первого дня близкого знакомства. Федя даже побелому завидовал подруге, что у неё такая замечательная семья. Мама работала аниматором на детских праздниках, папа — учитель рисования в ближайшей художественной школе. Никто не пил, причём даже по праздникам, что казалось Феде вершиной семейного счастья. Половина его детства прошла в попытках привести в чувство мать, а вторая половина — в уборке квартиры после очередной попойки.

— Обещаю, не позже полуночи! — Федя поднял руки, и тут Мария Александровна спросила:

— Обедать будешь?

Ключков задумался. Время было уже обеденное, даже послеобеденное, но он не обедал — холодильник дома был почти девственно пуст: они с мамой вчера, в пятницу, доели то, что она готовила на неделю, а новое ещё не появилось. И сегодня не появится, потому что мама ушла на работу. Она трудилась санитаркой в больнице, и её рабочий день составлял сутки, поэтому раньше завтрашнего утра Федя маму домой не ждал.

— Я бы поел, тётя Маш...

— Отлично, тогда иди на кухню к Лёне. Он как раз тебе картошки с котлетами оставил. Оля же сказала, что ты зайдёшь...

Клочков слегка смутился: ему было неловко обедать небогатых родителей Оли, но он знал, что отказываться бесполезно и даже вредно — обидятся. Поэтому покорно сел за стол рядом с Леонидом Аркадьевичем и начал с аппетитом уничтожать картофельное пюре с котлетами.

Оля была похожа на обоих родителей, но всё же на маму чуть сильнее — Мария Александровна тоже была небольшой и пухленькой, со светлыми густыми волосами и крупной грудью. Хотя черты лица у Оли были скорее от Леонида Аркадьевича — более мягкие. И глаза его — ярко-голубые, а не серые, как у мамы.

Оля пришла на кухню через несколько минут, когда Федя уже почти уничтожил свой обед, и приветливо улыбнулась.

— Всё, я готова. Нормально выгляжу?

Клочков не сразу справился с мыслями. Повезло, что он в это время как раз жевал — можно было легко оправдать затянувшуюся паузу, старательно работая челюстями. А потом ещё и воды выпить...

Оля была в платье. В нежно-голубом платье с юбкой чуть ниже колен и небольшим каплеобразным вырезом на груди, в котором немного виднелась её пышная грудь.

— Здорово, — старательно улыбнулся Федя, стараясь слишком уж не нырять взглядом в вырез. Вот ведь хитро придумано! Всё закрыто, и плечи, и рукава длинные. Только «капелька» на груди... — Я тебя в последний раз в платье видел на выпускном вечере.

— Я в этом платье ходила в прошлом году на день рождения к маминной сестре, — сказала Оля с мягкой улыбкой. — Решила, что сегодня тоже пригодится.

— Это правильно, — кивнула Мария Александровна, с удовольствием рассматривая преобразившуюся дочь. — Оль, может, тебе причёску сделать? А то эта косичка... И накраситься?

— Не надо, — покачала головой девушка. — Мне тогда совсем некомфортно будет. Хорошего понемножку. Сейчас Федя доест, и пойдём.

— Я доел, — кивнул Клочков и вскочил с табуретки. — Готов.

— Может, вам такси заказать? — предложил Леонид Аркадьевич. — С комфортом доедете. Всё лучше, чем в электричке.

— Не надо, — быстро сказала Оля. — Меня в машине только мутить будет, приеду вся зелёная. Так справимся.

— Ну, как хотите, — махнул рукой Зимин-старший.

Федя промолчал: он отлично знал, что Олю уже пару лет как почти перестало тошнить в автомобилях. Но она всегда использовала эту отговорку, зная, что Федя не позволит платить за себя её родителям. А у самого Клочкова денег на такси не водилось.

Он был бесконечно благодарен Оле за её деликатность. И вообще считал её лучшим человеком на свете.

Самым лучшим.

По правде говоря, Федя думал, что не годится Оле даже в подмётки...

3

Оля

Выйдя на улицу, Оля зябко поёжилась, переступив с ноги на ногу. Она настолько редко ходила в платьях или юбках, что каждый раз, надевая то или другое, сразу начинала мёрзнуть. Даже летом в жару ей было не по себе, что уж говорить про осень. Тем более что накануне началось похолодание — того и гляди пар изо рта пойдёт.

Федя покосился на неё, вздохнул и пробормотал:

— Может, всё-таки такси?..

— Не выдумывай, — мотнула головой Оля. — Сейчас в автобус сядем, потом в электричку, везде тепло.

— Ещё от станции до дома Киры идти.

— Всего минут десять, я по карте смотрела. Ерунда.

Они зашагали к остановке, и Федя тут же непроизвольно взял Олю за руку. Девушка на мгновение прикрыла глаза, наслаждаясь этим прикосновением и пожимая ладонь Феде в ответ. Она знала, что ничего особенного в таком поведении Феде нет и для Ключкова это ровным счётом ничего не значит — он делал так последние три года, с тех пор, как они подружились, спаянные общим горем. Для Феде это не было признаком влюблённости, и, пусть окружающие порой принимали их за парочку, Оля старалась не обращать ни на что внимания. Девушка понимала: если Федя узнает правду о её чувствах, тут же перестанет с ней общаться.

На первом курсе, когда за Ключковым начали увиваться девушки — на их факультете девчонок в принципе было большинство, — Оля осторожно поинтересовалась, почему он ни с кем не встречается.

— Мне не нужна ничья любовь! — отрезал тогда Федя. И добавил то, что причинило Оле сильную боль — словно удар кулаком в солнечное сплетение: — Даже твоя!

Она знала, что он сказал это сгоряча. Оля верила: пройдёт время, и Федя передумает. Встретит какую-нибудь девушку, полюбит её и отпустит прошлое. Пока прошло слишком мало времени... всего-то три года. Ничтожно мало. Не переболел ещё...

Но в любом случае: любовь Оли Феде точно никогда не будет нужна. Какой-то другой девушки — да, со временем, но не её.

Впрочем, все эти мысли быстро оставили Олю. В автобусе, а потом и в электричке они с Федей принялись привычно болтать обо всём подряд, шутить и смеяться, и девушка выбросила из головы свои тревоги. Кроме одной: Оля беспокоилась из-за предстоящего вечера.

Факультет журналистики, на котором учились они с Федей, считался в их институте одним из самых «блатных». И действительно, богатых дочек и сыночков на курсе было больше половины. Держались они особняком, общались в основном только друг с другом, почти игнорируя простых ребят — таких, как Ключков и Зимина. И Оля думала, что так и будет до конца обучения, но...

Когда они с Федей учились на первом курсе, в конце первого семестра в институте проводился творческий конкурс. Участникам предлагалось представить на суд комиссии преподавателей собственные стихи или рассказы в количестве не больше трёх штук, а потом ещё и прочитать что-то одно со сцены.

Оля не участвовала — она, в отличие от Феде, никогда ничего не писала. Ну, кроме школьных сочинений. А вот Ключков писал — и стихи, и рассказы, и даже большие романы пытался. Поэтому и решил участвовать в конкурсе. Как он сказал, пожав плечами: «Попробую свои силы».

Со сцены Федя читал стихотворение, посвящённое Наташе Ивановой — своей девушке и Олиной лучшей подруге. Наташа умерла три года назад — в то время они учились в одиннадцатом классе. И когда Федя читал стихотворение, предварительно рассказав, кому оно посвящено, в зале многие плакали. Клочкову присудили первое место, и после этого Федя из незаметного первокурсника сразу стал «звездой» факультета. О нём даже напечатали статью в студенческой газете...

Клочков не «зазвездился», совсем нет. Но, когда к нему начали подходить ребята из числа «золотой молодёжи», от общения не отказывался. А так как Федя везде таскал за собой Олю, то ей тоже приходилось общаться с этими ребятами. Девушке они не особенно нравились, да и Феде, признаться, тоже... Но ему было любопытно. Интересно, как живут «птицы высокого денежного полёта», как он их называл. И говорил, что это полезно — набирается материал для будущего творчества.

Материал. Что ж, Оля не возражала — пусть набирается. И молча терпела странные привычки новых знакомых: и манерность, и вечную язвительность, и лёгкую брезгливость по отношению к окружающим. Феде хочется — значит, надо.

Поэтому сейчас, направляясь на дачу к Кире Ахматовой, Оля не испытывала особого восторга. Точнее, даже ни капли восторга не испытывала. Она делала это только ради Феде и очень надеялась, что ничего ужасного на этой вечеринке не произойдёт.

Оле не нравилась Кира. И вовсе не потому, что Ахматова строила Клочкову глазки с того дня, как он победил в институтском конкурсе. Не она первая, не она последняя...

Просто Кира была какой-то особенно противной. Постоянно насмешничала, кичилась и вредничала больше других. Оля с Федей учились в параллельной группе, поэтому пересекались с Кирой только на лекциях, но и этого хватало, чтобы сделать вывод о стервозности её характера.

Феде было безразлично. А вот Оля беспокоилась...

4

Федя

Дому Киры сильнее всего подходило название «коттедж». По крайней мере, так подумалось Феде, когда они с Олей подходили к воротам. Было в нём что-то такое... американское. Ни «дача», ни «усадьба», ни тем более банальное «дом» к этому строению не имели отношения. Именно «коттедж» — двухэтажный, с панорамными окнами, уличной террасой на первом этаже и балконом на втором. Даже через забор дом производил впечатление, что уж будет, если войти на территорию...

— Живут же люди, — пробормотал Федя, тем не менее не испытывая ни малейшей зависти к деньгам Киры. Так бывает: кому-то в жизни везёт с предками, кому-то не очень. Чего завидовать? Учиться надо и работать, чтобы в люди выбиться. Может, и у него когда-нибудь будет такой вот «коттедж»... Ну, или хотя бы дача.

— Да, красивый дом, — кивнула Оля, когда после звонка им открыли калитку. — Но мне больше нравится сад. Смотри, сколько цветов! И это в середине сентября!

— Да, и правда, — удивился Федя. Он, как и Оля, такого никогда не видел, поэтому некоторое время ребята ходили по саду, любуясь на клумбы и просто высаженные растения, и только потом подошли к дому.

Больше всего Федю в этом здании впечатлили окна — наверное, потому что он не понимал, как можно жить практически без стен, с окнами вместо них. Видно же всё как на ладони! Хотя кому тут смотреть? Деревьям если только.

Правда, потом Федя заметил, что окна на втором этаже занавешены — значит, существует способ «закрываться» от внешнего мира. Свет там не горел, в отличие от первого этажа — здесь иллюминация была на всю катушку. И музыка грохотала, и то и дело раздавались взрывы хохота, доносящиеся из распахнутой двери.

На открытой веранде был организован фуршет — несколько столов ломилось от угощений и алкоголя, в креслах были разбросаны пледы, но мало кто сидел — в основном однокурсники Феде и Оли стояли и разговаривали, кое-кто курил, разглядывая сад. То и дело мимо проносился слуга с подносом — что-то забирал или, наоборот, ставил.

Слуга. Федя хмыкнул, непроизвольно сжав ладонь Оли в своей руке.

— Ты чего? — шепнула Зиминая, и он, с улыбкой повернувшись к девушке, наклонился и сказал ей на ухо:

— Вон видишь парня в белой ливрее? Я подумал, что это слуга.

— Судя по всему, ты правильно подумал.

— Само собой. Дело не в этом. Просто, блин, двадцать первый век на дворе... А тут слуги, как в девятнадцатом. Хорошо хоть без парика. А дамы без вееров.

Оля засмеялась, и они вместе шагнули на веранду.

Клочков сразу влился в компанию однокурсников, по привычке таща за собой Олю, как на аркане. Разговаривал со всеми сразу, перебрасываясь ничего не значащими для него фразами, и постепенно пробирался ко входу — надо было срочно заводить Олю в тепло, пока она не замёрзла.

День уже начинал клониться к закату, и в пронзительно-оранжевых лучах словно уставшего к вечеру солнца окружающие предметы, да и люди казались Феде охваченными пожаром. Он с восторгом озирался — настолько красивым было всё вокруг — и вдруг зацепился взглядом за Олину косичку... И замер на мгновение, впитывая в себя блеск её волос — золотых, как солнце, — и мягкость улыбки, синеву глаз...

Что-то взметнулось в душе — что-то светлое, открытое и искреннее, — и Феде неожиданно захотелось прижать Олю к себе покрепче, коснуться губами её волос, щеки, губ...

Губ?..

Додумать эту мысль Федя не успел.

— Ах, вот ты где! — раздался совсем рядом пронзительный и какой-то злой голос Киры Ахматовой. — А я тебя везде ищу!

5

Оля

Голос Киры словно пробудил Олю от краткого сна, вызванного каким-то необычным выражением на Федином лице. Такое выражение она видела в последний раз очень давно — ещё когда была жива Наташа. Тогда Федя смотрел на Олину подругу с таким же трепетным восхищением и будто светился изнутри.

«Показалось, наверное», — подумала Оля, вздохнув, и повернулась к Кире одновременно с Федей.

— Меня? — с недоумением переспросил Клочков. — Зачем?

— Как это — зачем? Мой папа такое шампанское купил специально для нашей вечеринки! — Кира манерно закатила глаза. — А ты ещё не пробовал!

Оля непроизвольно улыбнулась. И всё-таки забавно у Киры получалось игнорировать её. Зло, но забавно.

Оля совсем не сердилась — понимала, что такую девушку, какой была Кира, должно бесконечно раздражать наличие «соперницы» рядом с Федей. И неважно, что Оля саму себя соперницей не считала — глупо было так думать. Для Федеи она друг, а Кира... пожалуй, пока никто. Несмотря на все её старания.

Кира и сейчас старалась — это было заметно. Гладкие, как атлас, чёрные волосы лежали на плечах, спине и груди с поистине королевской небрежностью. Смуглая кожа чуть блестела от какого-то крема, макияж был безупречен — ни прибавить, ни убавить. Тёмно-карие миндалевидные глаза глядели на Федю с поволокой, призывно и волнующе. А уж платье... Куда там Оле против этого белоснежного великолепия с открытыми плечами и глубоким декольте! Грудь у Киры заслуживала всяческих похвал — аппетитная и какая-то скульптурная, даже Оля засмотрелась. Зиминая не сомневалась, что парни и вовсе должны были слюни на такую грудь пускать.

— Я не пью, — отмахнулся от Киры Федя. — Даже шампанское. Оля вот пьёт, так что идём внутрь, она должна попробовать.

Оле показалось, что она слышит скрип Кириных зубов...

А дальше началась та ещё свистопляска. Точнее, пляска Киры вокруг Федеи — девушка изо всех сил пыталась каким-то образом оторвать его от Оли. Но Клочков не поддавался. И протащил подругу по всем комнатам на первом этаже, когда Кира их ему показывала, и камин посмотрел вместе с Олей, и всё приготовленное угощение пробовал тоже только в компании Зиминой.

Ахматова злилась — Оля видела это так же ясно, как и то, что солнце всё сильнее клонится к закату. Поэтому осторожно спросила у Киры:

— А танцы будут? А то музыка есть, но что-то никто не танцует...

— Будут конечно! — Девушка белозубо, но абсолютно ядовито улыбнулась. — Но сначала — сюрприз! Зиминая, иди-ка собери всех с террасы сюда...

— Не надо, — тут же отрезал Федя и отпустил Олину руку. — Я сам их позову.

И убежал.

Оля сразу поняла, что сейчас Кира скажет ей что-нибудь неприятное, — и не ошиблась.

— И не надоело тебе? — прошипела Ахматова, глядя на Олю с раздражением. — Как собачонка дрессированная... Помыкает тобой как хочет, а ты и рада!

— Не злись, — покачала головой Оля, вызвав у Киры возмущённый вздох. — Ты же видишь — я ему не нужна, он меня не любит. Почему ты злишься?

— Потому что ты достала уже! — поморщилась Ахматова. — Всегда с ним, как пугало огородное — всех отпугиваешь. Отвали, а?

— Мы просто друзья. Я нужна Феде только как друг, — сказала Оля примирительно. И, колебавшись, искренне посоветовала: — Ты вряд ли добьёшься успеха, если станешь со мной враждовать. Лучше сделай вид, что я тебе нравлюсь. Тогда и Федя будет лучше к тебе относиться.

Кира изумлённо вытаращила глаза, глядя на Олю с недоумением, а потом вдруг усмехнулась.

— Возможно, ты и права...

— Я права, — кивнула Зимина. — Не обязательно дружить со мной, просто не раздражайся так явно. Этим ты Федю только отпугиваешь.

— Хм... — Ахматова задумалась, но больше ничего не успела сказать — с террасы начали возвращаться остальные однокурсники.

6

Федя

Коттедж был потрясающим, очень фактурным — от первого до последнего кирпичика. Феде даже захотелось достать из кармана телефон и записать то, что рассказывала Кира и об устройстве помещений, и о расположении комнат, и об особенностях проживания в подобном месте. Но он не хотел показаться невежливым, поэтому просто запоминал.

За двадцать лет жизни Федя толком ничего не видел. Школа, их с матерью квартира, кладбище, на котором были похоронены бабушка с дедушкой, редкие экскурсии с одноклассниками. Очень давно, когда дед и бабушка были ещё живы, Федя с матерью ездили на море. Но после их смерти максимум, что доставалось Ключкову, — это поездки в летние лагеря, где ему никогда не нравилось.

Конечно, Федя не имел никакого представления о жизни в подобном коттедже. Ни о том, сколько стоит содержание такого дома, ни о том, какое количество слуг требуется, чтобы здесь всё было красиво и отлично работало, ни тем более о том, в каком стиле построен этот коттедж. Кира с удовольствием сообщила, что стиль называется хай-тек, и даже объяснила, чем он отличается от других.

Феде было интересно, и он радовался, что Оля всё-таки согласилась сюда приехать. Незаменимый опыт для писателя! Ключкова это очень волновало: как быть автором, не имея представления ни о чём, кроме обучения в школе, а затем в институте и борьбы с женским алкоголизмом? Нужно узнавать что-то новое, приобретать жизненный опыт...

Поэтому Федя с любопытством изучал всё, на что падал его взгляд. И когда Кира попросила позвать остальных ребят с террасы, бросился туда, чтобы с радостью ещё раз полюбоваться с крыльца на закат.

Однокурсники быстро помчались внутрь, побросав пледы, а Федя на несколько мгновений задержался, глядя на оранжево-розовую дымку над деревьями за забором. Казалось, что там находится глухой лес, хотя на самом деле, разумеется, никакого леса здесь не было — вокруг был элитный коттеджный посёлок.

— Ты чего застыл-то, Федька? — раздался позади чей-то слегка насмешливый голос, и Ключков оглянулся.

Артём Родин. Федя этого парня не любил. Не все из числа богатых наследников были такими задаваками, как Кира, — но Родин, на взгляд Феде, был ещё хуже. Самодовольный индюк без стыда и совести. В прошлом году он на бешеной скорости сбил какую-то женщину за городом (повезло, что не насмерть), об этом вполголоса говорили в институте, но дело быстро замяли. Артём, когда его спрашивали, как так вышло, презрительно хмыкал и отвечал: «Все продаются и покупаются. Особенно бабы...» — а потом начинал хохотать, будто в этой ситуации было что-то смешное.

И сейчас разговаривать с Родиным не хотелось. Но Федя не привык быть невежливым.

— Да так, просто люблюсь. Красиво тут.

— Фигня, — поморщился Артём и небрежно махнул рукой. — Пошли внутрь. Сейчас такое будет! Тебе — девственнику — даже не снилось.

Федя слегка вздрогнул — стало неприятно. И в первую очередь потому, что Родин был прав. У Ключкова действительно до сих пор не было девушки, несмотря на возраст — летом Феде исполнилось двадцать лет.

Возможностей было множество, так же, как и желающих лишить Федю этого «недостатка». Но он всё не мог решиться. Каждый раз вспоминал Наташу — и желание сразу пропадало, пряталось, как дикое животное при малейшей опасности.

Но знать о подобном Родин никак не мог, поэтому Клочков просто фыркнул и отбил претензию насмешливым:

— Договорились. Пойдём, любитель держать свечку.

Артём обжёг его неприязненным взглядом, но промолчал.

7

Федя

И всё-таки удивительный дом. Вместо внешних стен — окна, вместо внутренних — шкафы, чтобы создать иллюзию комнат. И разные режимы освещения — то всё заливают ярким светом, как солнечным днём, то пространство наполняется приглушённым сиянием, которое то увеличивает интенсивность, то почти исчезает, погружая всё вокруг в полнейшую тьму. Лишь на потолке оставались таинственно гореть далёкие галактики, звёзды и планеты...

Увлёкшись рассматриванием потолка, Федя не сразу понял, что происходит в гостиной, где он оставил Олю и Киру. Хотя гостиная ли это? Круглый зал в центре первого этажа — соответственно, окон там почти не было, зато были стены из шкафов, огромный камин, диваны с креслами и даже пианино, — здесь легко помещались все присутствующие на вечере студенты (человек тридцать), и даже место оставалось. Сейчас многие расположились на диванах или в креслах, но кое-кто и стоял с бокалом в руке, с интересом разглядывая танцовщиков, выскокивших из проёма, что вёл в подсобные помещения. И там было что разглядывать...

Стриптизёры! Кира заказала стриптизёров. Причём и девушек, и мужчин — по двое человек каждого пола. В откровенных и ярких костюмах, они танцевали под быструю и ритмичную музыку, восторженно улыбаясь и вертясь как безумные. То сходились, взаимодействуя друг с другом, как в командном танце, то разбегались по залу, выбирая себе «жертву» и начинала танцевать перед ней.

Одна такая танцовщица, фигуристая и смуглая, в блестящем золотом купальнике с бахромой, подскочила к Феде и начала вертеться рядом с ним, то и дело словно невзначай задевая его ладонью или бедром. Видимо, предполагалось, что это должно возбуждать — но Клочков не шевелился, чувствуя лишь лёгкий интерес к происходящему и просто смотря на девушку. Нечто похожее чувствуешь, когда видишь спортивный танец по телевизору. И Федя сейчас ощущал себя так же — всё это происходило будто бы не с ним...

Девушка наконец отлипла от Феде и пошла к Родину, который стоял рядом. Вот Артём безучастным не остался — смеясь, пару раз хлопнул танцовщицу ладонью по ягодице, а потом вытащил из заднего кармана джинсов пятидесятую купюру и засунул девчонке в трусики. Та радостно взвизгнула и пошла по кругу дальше.

Так вот что это было! Клочков неожиданно понял, что у него выклянчивали деньги, и рассмеялся. Если бы эта красавица знала, что пять тысяч — его бюджет как минимум на пару месяцев, она бы с Федей даже в один сортир не пошла.

Обойдя по кругу всех, по принципу «парень к девушке, девушка к парню», танцовщики удалились, но свет не зажёгся, да и музыка играть не перестала. Вместо этого Кира воскликнула:

— А теперь — танцуют все! — подбежала к Феде и попыталась вытащить его в центр комнаты за руку, но он, покачав головой, остался стоять на месте.

— Ты чего? — Кира натянуто засмеялась. — Давай потанцуем, Федь!

— У меня грация как у слона, — он ещё раз покачал головой, пытаясь освободить руку из ладони Киры. — Ты лучше Родина в партнёры возьми.

— Нет! — резко и слегка воинственно заявила Кира. Типичная капризная принцесса — это Федя понял давно. — Я хочу тебя.

Звучало несколько двусмысленно, и Клочков усмехнулся. Он не обольщался — принцессы часто меняют игрушки, а ничем иным он для Ахматовой быть и не мог.

— Извини, Кир, но — нет. Никаких танцев. Я бы лучше съел что-нибудь. Кстати... а где Оля?

Глаза Киры блеснули яростью.

— В туалет пошла твоя Оля, — ответила хозяйка вечера сквозь зубы и явно хотела добавить что-то язвительное, но сдержалась. Вместо этого продолжила почти примирительно: — Слушай, Федя... Не хочешь посмотреть библиотеку?

— Библиотеку? — Ключков сразу заинтересовался. Он помнил, как Кира хвасталась, что редкие книги начал собирать ещё её дед-библиофил, а отец продолжил. — А можно?

— Можно. Но только тебе. По благу, так сказать, — девушка заливисто рассмеялась. — Бери с собой что-нибудь из закусок и пойдём наверх.

— Ты что, какая еда рядом с книгами? — возразил Федя. — Запачкаю ещё. Пойдём так. Потом поем, когда спустимся. Надо только Олю предупредить...

— Ага, — Кира поспешно схватила его за руку, — предупредишь, предупредишь обязательно. Когда встретишь. Пошли!

Федя отправился за ней, чувствуя себя немного неловко из-за того, что не дождался Олю. Он хотел бы взять её с собой. Но с другой стороны — Кира, может, тогда и не пошла бы в библиотеку, она не любит Олю. А посмотреть хотелось...

Федя и сам с удовольствием был бы библиофилом — при наличии денег, разумеется. Но пока что у него получалось коллекционировать только пустые бутылки из-под различных дешёвых спиртных напитков.

8

Оля

Когда начался стриптиз, Оля слегка смутилась. Она вряд ли смогла бы сформулировать отчего, но ей было не по себе, когда по гостиной скачут полуодетые, точнее, почти раздетые парни и девчонки и трясут телом под музыку, а потом им ещё и деньги в бельё засовывают. Как-то это всё... пошло.

Хотя Оле всегда нравились танцы на пилоне. Но она воспринимала подобное скорее как спорт, чем как стриптиз. Эти же... вращающиеся по залу тела... особенно возмущали парни в настолько обтягивающих трусах, что можно было бы и без них танцевать. Сразу становилось понятно, что бельё было нужно не для соблюдения приличий, а для исполнения роли кошелька. Сколько им туда денег напихали! Неплохие чаевые, ничего не скажешь...

Оля не стала дожидаться, когда и к ней подойдёт танцовщик, чтобы повертеться и поприжиматься, — ушла в туалет, поинтересовавшись у Киры, где он. Провела там минут пятнадцать, решив, что этого времени должно хватить стриптизёрам, а когда наконец вернулась и огляделась в поисках Феди, обнаружила, что его нигде нет.

И не только его. Киры вроде бы тоже не было...

Конечно, это ничего не значит. Может, Федя отошёл в туалет, а Кира... ну, ещё куда-нибудь. На веранду, например, покурить в компании Родина. Хотя... нет, Артём-то здесь. Значит...

Оля не успела додумать — Родин заметил девушку, зачем-то встал с кресла, в котором до этого вальяжно пил шампанское из тонкого бокала на длинной ножке, и пошёл по направлению к ней. Оля даже оглянулась: может, рядом стоит какая-то другая девушка, к которой идёт Артём, и на которую он смотрит?

Нет. Никого.

По пути Родин схватил с подноса проходящего мимо парня в ливрее — как у слуг в прежние времена — точно такой же бокал с шампанским и протянул его Оле.

— Скучаешь? — Артём усмехнулся, глядя на девушку как-то странно — словно оценивающе. И на мгновение его взгляд даже нырнул в её скромный вырез. Для Артёма это было по-настоящему удивительное поведение: за два с лишним года совместного обучения он не удостоил Олю даже просто обычным взглядом, не то что оценивающим.

— Совсем нет, — она мотнула головой, но бокал взяла. — А ты не видел Федю?

— Видел, — кивнул Родин, и в его улыбке мелькнуло что-то почти коварное. — Скажу, куда он пошёл, если ты со мной по зимней оранжерее прогуляешься.

Оля несколько секунд удивлённо смотрела на Артёма, а затем мягко улыбнулась.

— Ну, во-первых, можешь не говорить — я ему сама позвоню. А во-вторых... извини, Артём, но я не верю, что ты просто так обратил на меня внимание. Я не твоего поля ягода. Значит, либо поспорил на меня, либо кто-то тебя попросил.

— Умная ты, Зими́на, — засмеялся Родин, ничуть не смутившись. — Но нет, не угадала. Расскажу, если согласишься на прогулку. Давай, не тушуйся. Клочкова здесь всё равно нет, и он не скоро появится, гарантирую. А мы с тобой пока поговорим. Обещаю не распускать руки, — он поднял ладони вверх, едва не расплескав остатки своего шампанского. — Буду вести себя как примерный мальчик. Согласна?

Оля колебалась. Ей не особенно нравился Родин, несмотря на то, что он никогда её не обижал. Но Оля не вменяла это ему в заслугу. Обижать — значит, признавать право на существование и вообще обращать внимание. А она для него была словно муравей в траве. Что есть, что нет — без разницы.

И добра Артём ей не желает точно. Впрочем, зла наверняка тоже.

Эта мысль и помогла принять решение. Действительно, вряд ли Родину так уж хочется обидеть Олю. И отказывать ему по большому счёту нет причин...

— Ладно, давай прогуляемся. А... — вздохнув, Оля всё же решила уточнить: — Федя ушёл с Кирой?

— Ты же сама всё прекрасно понимаешь, — хмыкнул Артём. — Зачем спрашиваешь? На, хватайся. — И предложил ей свой локоть.

Оля осторожно положила ладонь на сгиб руки Родина и пошла за ним в другой конец комнаты — туда, где был вход в зимнюю оранжерею.

9

Федя

Библиотека произвела на него огромное впечатление. А как иначе-то? Федя обо всём на свете позабыл, когда попал в помещение, уставленное книгами сверху донизу. Шкафы были такими высокими, что на верхнюю полку было бы никак не забраться, но отец Киры это предусмотрел — сделал сбоку лестницу, превратив библиотеку в двухъярусную. Так что по всему периметру комнаты проходил небольшой узкий деревянный балкончик.

Просто мечта, а не библиотека. Жаль, Оля этого не видит...

Федя вновь потянулся за телефоном, но тут вмешалась Кира:

— Нравится? Хочешь, покажу самые старые книги? Папа хранит их в сейфе, но я знаю код.

— Если он запрещает тебе брать их, то не нужно, — поспешил отказаться Федя. — Не хочу, чтобы родители тебя ругали.

— Да ладно, — звонко рассмеялась Кира, подошла к одному из шкафов, небрежным движением вытащила несколько книг, засунула руку вглубь, что-то там нажала... И шкаф открылся как небольшая дверца.

Внутри оказались три полки, на которых лежали книги. Сразу было понятно, что они старинные — вид у них был потрёпанный, и страницы отнюдь не белые. У многих книг по бокам были застёжки.

— Вот, эта самая древняя. Псалтырь, семнадцатый век. Смотри...

Кира отнесла книгу на стол, села на диван и приглашающе похлопала по сиденью рядом с собой.

Сколько времени они просидели вот так, осторожно рассматривая эти книги, Федя даже не понял. Он почти не дышал, переворачивая страницы и вглядываясь в буквы и картинки. Особенно ему понравилась детская книга начала двадцатого века, с цветными иллюстрациями, — её Федя листал с таким благоговением, что Кира даже захихикала.

— Ты так их рассматриваешь, будто это не книжки, а драгоценные камни!

— Уверю тебя, камни я бы так не рассматривал, — ответил Ключков и, подняв голову, благодарно улыбнулся Кире. — Я ими не интересуюсь. А вот книгами — да. Но думаю, что нам хватит, пора возвращаться. И мне надо позво...

Он не договорил, потому что Кира, подавшись вперёд, обвила его шею руками и промурлыкала:

— Ещё не пора...

А потом поцеловала.

Не то чтобы Федя совсем этого не ожидал... Он понимал, что нравится Кире, она не раз делала намёки. Но всё-таки сейчас девушка застала его врасплох — все мысли у Феди были о книгах, а не о поцелуях. Но Кира знала толк в соблазнении, и, как только она положила ладонь Феди на свою грудь, его мысли резко изменили свой вектор.

Ключков сжал пальцы, и Кира, всхлипнув, спустила платье ниже, позволив ему касаться обнажённой кожи. Нежной, как шёлк, и горячей, будто огонь. Федя непроизвольно нашёл сосок, провёл по нему, и Кира совсем громко, откровенно застонала, вызвав новую волну возбуждения.

Да, у Феди ещё не было секса, но порнофильмы он порой смотрел — и сейчас ощущал нечто похожее, как во время просмотра, только лучше. Никаких эмоций, чистейшая физиология. Хотелось сбросить напряжение, и поскорее. С Наташей — единственной девушкой, которую целовал Федя, — такого не было.

Воспоминания о ней отрезвили, и он попытался отстраниться, но Кира не дала.

— Не уходи, — прошептала она, сильнее обнимая его. И, опустив руку, погладила Федю между ног, где сильно натянулись джинсы. От этого прикосновения он вздрогнул и едва не зашипел. — Ты мне безумно нравишься, ты же знаешь. Я очень хочу быть с тобой... Быть твоей девушкой...

«Быть твоей девушкой».

Эта фраза несколько отрезвила Федю. Потому что он совершенно не хотел, чтобы Кира была его девушкой. И вообще не хотел отношений ни с кем. Он был не прочь узнать, что такое секс, по-настоящему, а не по порнофильмам, — это да, однозначно. Но отношения...

С другой стороны...

Федя застыл, чувствуя, как шаловливая ручка Киры расстёгивает ему ширинку. Отношения с этой девушкой дают множество возможностей для получения жизненного опыта, и не только сексуального. Когда ещё ему представится такой шанс?

Использовать людей, конечно, плохо, но ведь Кира тоже собирается его использовать. Ни в какую любовь с её стороны Федя не верил — избалованные принцессы не умеют любить, они умеют только пользоваться. Она хочет его в качестве своей игрушки, а он хочет увидеть в жизни что-то кроме института и многочисленных друзей-алкоголиков своей матери.

Да, об этом определённо стоило подумать.

— Не сегодня, — сказал Федя, перехватывая настойчивую руку Киры. — У тебя там гостей полный дом. А мне, скорее всего, уже домой пора. Сколько времени?

Не обращая внимания на недовольный взгляд Киры, Ключков встал с дивана и полез в задний карман — там он обычно носил мобильный телефон.

Но сейчас карман был пуст...

— Чёрт, — Федя проверил другой карман, потом залез в передние, чувствуя жуткую растерянность. Он точно помнил: когда заходил на территорию дома Киры, телефон при нём был. Ключков ещё сфотографировал розы в саду... А потом? А потом Федя вроде бы его не доставал. — Кажется, я трубу посеял. Наберёшь мне?

Кира молча взяла свой телефон — он лежал на столе рядом с книгами, — ткнула несколько раз в экран, приложила трубку к уху... И через несколько мгновений сказала, пожав плечами:

— Абонент недоступен. Ты уверен, что не оставил телефон дома?

— Уверен, — кивнул Федя, чувствуя какое-то мерзкое беспокойство. Это было иррационально, но ему казалось, что ситуация с телефоном — предвестник огромных проблем. — А сколько времени?

— Почти одиннадцать.

— Твою мать! — Ключков аж подпрыгнул. — Нам с Олей нужно было выезжать обратно домой ещё полчаса назад!

Он метнулся к двери, но Кира остановила его, обиженным тоном протянув:

— А книги? Надо их убрать! Федя, это невежливо — бросать меня сейчас. Помогите мне, пожалуйста, а потом мы пойдём искать и твой телефон, и... Олю.

Как ни хотелось немедленно бежать, Федя не мог не признать, что Кира права. Она привела его в библиотеку, показала кучу интересных книг, и оставлять её сейчас действительно будет невежливо.

— Ладно, давай помогу...

10

Оля

Зимняя оранжерея была безумно красивой. Она опоясывала почти половину первого этажа, располагаясь вдоль окон, как аллея в парке. Оранжерея и напоминала аллею — множество растений в кадках и клумб с цветами, скамейки и фонтаны. А огромный аквариум с рыбами! Дойдя до него во второй раз — Кира уже водила их с Федей здесь несколькими часами ранее, — Оля остановилась и восхищённо уставилась на разноцветных экзотических рыбок. Она не разбиралась ни в цветах, ни в рыбах, но не могла не отметить красоту и того, и другого.

— Мне больше дракон нравится, — сказал неожиданно Артём, и Оля вздрогнула — забыла о его присутствии. Тем более что его локоть она давно отпустила, и Родин шагнул даже не рядом, а следом за ней. — Но он не здесь, а на втором этаже, в кабинете отца Киры. А эта мелочь — так, мельтешение какое-то.

— Дракон? — переспросила Оля, покосившись на Артёма. — Что за дракон?

— Аксолотль. Личинка амбистомы. Они забавные и похожи на Беззубика из «Как приручить дракона». Смотрела?

— Мультик да. А аксолотлей никогда не видела.

— У меня дома есть, — сказал Родин, достав из заднего кармана мобильный телефон. — Вот, смотри.

Он открыл галерею и показал Оле несколько фотографий. Сдержать улыбку было сложно — с экрана телефона на Олю смотрело самое милое и странное существо на свете. Нежно-розовое, с чёрными глазками-бусинками и пушистыми... ушами?..

— А что это за пушистые штуки? — поинтересовалась Оля, тыкая пальцем в экран. — Как ёршики...

— Это жабры, — засмеялся Родин. По-человечески так засмеялся, по-доброму. Оля в жизни ещё не слышала у него такого смеха. — Смешные, правда?

— Да. Но, если это личинка, она потом становится взрослой особью?

— Нет. Сейчас расскажу.

Минут пятнадцать Артём объяснял Оле особенности содержания аксолотля, и она внимательно слушала, невольно замечая, что во время этого рассказа Родин совсем не кажется напыщенным богатеньким парнем. Увлёкшись, он явно забывал «держать лицо».

— Ты разбираешься в этом, да? — уточнила Оля с уважением, когда Артём замолчал. — В аквариумных рыбах и их разведении...

— Немного, — пожал плечами Родин. — Увлекался, когда в школе ещё учился. У меня было несколько аквариумов. Сейчас остался только аксолотль. Хочешь, как-нибудь покажу тебе его?

Сказано это было абсолютно невинным тоном, но Олю он не обманул.

— Мне было бы интересно посмотреть, — ответила она серьёзно. — Но я бы не хотела никаких проблем с тобой, Артём.

— Проблем и не будет, — он хмыкнул и огляделся. — Пошли, сядем вон на ту скамейку и поговорим нормально. А то у меня уже от этих рыбок голова кругом.

— Может, это не от рыбок, а от шампанского? — улыбнулась Оля, и Родин бросил на неё лукавый взгляд.

— От одного бокала? Вряд ли. Мне это как слону дробина.

Сев на скамейку, Оля оказалась лицом к окну — а значит, и к саду. На улице уже стемнело, поэтому деревья, причудливо освещаемые фонарями разного размера, выглядели утопающими в абсолютной черноте.

— Так интересно, — вырвалось у Оли, — в этом доме будто бы нет ничего случайного.

— Ты о чём? — тут же отозвался Артём, и ей показалось, что ему любопытно.

— Ну, у обычных людей в доме что-то обязательно будет случайным. Картина, которая висит на стене, но не подходит интерьеру — купили на отдыхе, понравилась, но не переделывать же ремонт ради неё? Старый бабушкин ковёр, который жалко выкинуть. Магниты на холодильнике вообще сплошь случайным образом подбираются...

— А-а-а... — Артём рассмеялся. — Да, я понял, о чём ты. Ты права — здесь и правда нет ничего случайного. Всё продумано. Даже освещение сада выверено до сантиметра, чтобы быть максимально красивым. Признак больших денег.

— Да, точно. Признак больших денег... Кстати, ты сказал про кабинет отца Киры. Вы с ним...

— Знакомы, — не стал отрицать Родин. — С детства. Наши с Кирой отцы дружат, когда-то учились вместе. Так что я много раз бывал в этом доме. И вообще мы живём рядом, тут пешком пять минут.

— Ясно, — кивнула Оля. Ну, что-то такое она и подозревала. Получается, Кира и Артём — друзья детства. Ну, или хотя бы хорошие знакомые. — Так о чём ты хотел поговорить?

Родин несколько мгновений молчал, отчего-то нервно постукивая пяткой по полу, а потом фыркнул.

— Непросто с тобой, Зими́на. Знаешь, на твоём месте практически любая девчонка просто обрадовалась бы, что я позвал её на прогулку, и не искала бы подводных камней. А ты вот в восторг не пришла.

— Если это комплимент, то спасибо. Но ты прав — я не вхожу в число твоих поклонниц.

— Тыходишь в число поклонниц Ключкова, я знаю, — в голосе Родина прорезалась насмешка, но Олю она не задела. — Поэтому я хочу предложить тебе взаимную помощь. Я помогу тебе завоевать Федю, а ты... ты поможешь мне с Кирой.

11

Оля

Она задумчиво смотрела в сад, скользя взглядом по веткам деревьев, которые шевелились, будто живые, и листья издали казались сотнями маленьких ладоней — зелёных, жёлтых и серых, если уходили в темноту. Зловещее зрелище...

С одного из деревьев сорвалось несколько листьев. Они бросились ближе к свету, погнавшись друг за другом в бешеном танце вокруг фонаря, и скрылись из виду.

— И как же ты можешь мне помочь? — вздохнула Оля, ощущая себя таким же унесённым прочь листом. Она, так же, как и он, знала, что вряд ли сможет стать с деревом единым целым. Её время ушло...

— Очень просто, — судя по бодрому голосу Артёма, он, в отличие от Оли, не терял надежд. — Знаешь же фразу: «Что имеем — не храним, потерявши — плачем»? Твой Федя, я думаю, оценит её в полной мере, если у тебя вдруг появится парень. И Кира тоже. Они оба привыкли рассчитывать на нас, как на друзей, и не готовы делиться тем, что считают своим. Их нужно встряхнуть.

Оля улыбнулась и повернулась лицом к Артёму. Он, заметив её движение, тоже перестал смотреть в сад и вопросительно поднял брови.

Красивый парень. Правильные черты лица, чёткий абрис губ, очаровательные ямочки на щеках во время улыбки. Короткие тёмные волосы, гладко выбритое лицо, ярко-синие глаза... Картинка, а не парень.

— Артём... — Оля изучала его лицо, продолжая улыбаться — мягко и понимающе. — Хорошая легенда, но не очень правдоподобная. Я не следила за твоей личной жизнью, но уверена, что у тебя было множество девушек. И если Кира до сих пор не клюнула...

— Сразу видно, что у тебя нет опыта, Зимина. — Артём подался вперёд и тоже улыбнулся, но совсем не так, как Оля. Вкрадчиво, искушающе. И смотрел он при этом на её губы — всё остальное его явно не слишком интересовало. — У меня было множество девушек, тут ты права. Но все они ничего для меня не значили. Если я сделаю вид, что ты для меня кое-что значишь... Уверен, Кира отреагирует так, как я думаю.

— Она не поверит, — возразила Оля решительно. — Тебе нужно выбрать для своего плана другую девушку. Посимпатичнее.

— Поверит, — усмехнулся Артём, придвигаясь ещё ближе, и его рука накрыла ладонь Оли, сжав её. — Как раз всё наоборот, Зимина. Ты не похожа на остальных — и это плюс. Значит, и моё отношение к тебе — иное. По тебе сразу видно, что ты не можешь быть просто... хм... игрушкой для постели. Ты — для серьёзных отношений. Кира будет ревновать, я знаю это.

— Хочешь сказать, у тебя получится сыграть влюблённого достоверно? — засомневалась Оля, и усмешка Родина стала настолько порочной, что девушка поспешила отодвинуться от него.

— Хочешь проверить? — шепнул Артём, вновь подсаживаясь ближе, и Оля остановила его, ткнув в грудь кончиками пальцев.

— Нет, спасибо. Поверю на слово. Но, прости, вынуждена отказать.

— Почему? — Артём выглядел озадаченным. Кажется, действительно рассчитывал, что она согласится.

— Потому что обман — не для меня, — пояснила Оля честно. — Любой обман, не только этот. Не хочу... запачкаться.

— А-а-а, — протянул Родин, засмеявшись. — Ты у нас праведница, ясненько. Предпочтёшь отдать парня, в которого влюблена как кошка, другой девушке, но не попытаешься его завоевать.

— Я ему не нужна.

— Да что ты говоришь? — съязвил Артём. — Тогда почему он ни с кем не встречается? Почему ходит вечно с тобой за ручку? Куда ты — туда и он.

— Мы друзья.

— Дружбы между парнем и девушкой не бывает, — отрезал Родин и вновь положил ладонь поверх Олиной руки. И погладил пальцы. — Ты вроде умная, Зиминая, но не замечаешь очевидного. Клочков тебя любит, но не понимает этого. Надо ему подсказать.

Оля задумалась, глядя на Артёма и нахмутив брови.

Любит, но не понимает этого...

Сердце сжалось от надежды. А вдруг Родин прав? И Федя...

Нет, не может быть. Глупости. Федя до безумия любил её подругу Наташу — она была красивой, как земное воплощение Афродиты. Оля совсем не такая. Если Федя и влюбится, то в девушку, похожую на Наташу, — стройную прелестницу. Но никак не в Олю, пухлощёкого хомячка.

— Я не хочу обманывать Федю, — повторила она ту же мысль, и Артём поморщился. Оля хотела продолжить, но он прервал её, возразив:

— Кому от этого обмана будет хуже, Оля? Если всё получится, ты получишь Федю, а я — Киру. Думаешь, им от этого будет хуже? А если не получится, всё останется по-старому.

— Не останется. Я буду знать, что врала Феде.

— Не ври, — Родин раздражённо цокнул языком, — врать буду я. А ты просто скажи, что я пытаюсь за тобой ухаживать. Феде будет достаточно и этого, чтобы взвиться от ревности, уж поверь.

Оля негромко вздохнула. Ну что за упрямец... Сказала ведь всё, а он продолжает уговаривать. Зачем? Другую девчонку, что ли, найти нельзя? Их тут сейчас полный дом!

— Я подумаю, — ответила Зиминая примирительным тоном. — Хорошо? Подумаю. И скажу своё решение... допустим, в понедельник. Слушай, а сколько времени?

Артём взглянул на телефон, который до сих пор держал в другой руке.

— Половина одиннадцатого.

— Ох! — Оля тут же вскочила с лавочки. — Мне надо найти Федю! Я должна вернуться домой не позднее полуночи.

— Ну ты прям как Золушка, — хохотнул Родин, тоже вставая. — Вот только ты напрасно надеешься разыскать Клочкова. Он с Кирой наверх пошёл, вряд ли она его так уж быстро отпустит.

Оля вздрогнула и в шоке отшатнулась от Артёма, который смотрел на неё с кривой улыбкой, полной... чего-то странного.

— Ты намекаешь...

— Я не намекаю, а прямо говорю. Уверен, они там вовсю уже предаются разврату, пока мы тут болтаем и ты маринуешь меня своим: «Я подумаю». Не веришь? Пошли в зал, увидишь, что там нет ни Клочкова, ни Ахматовой.

Ничего не оставалось, как пойти за Артёмом, в надежде, что он ошибается. Но увы — ни Феде, ни Киры нигде не было. Оля спросила у парочки однокурсников, которые попадались навстречу, и выяснила, что никто их не видел уже давно...

Тогда она вернулась в прихожую, где оставила сумку, достала мобильный телефон и набрала номер Феде. К её искреннему удивлению, абонент оказался недоступен.

Олю моментально бросило в дрожь — она знала, что Клочков никогда не отключает мобильник, опасаясь, что с матерью что-нибудь случится. И вдруг...

Она набирала ещё и ещё раз, с отчаянием глядя на телефон и не обращая внимания на Артёма, который стоял рядом и смотрел на всё это с жалостливой насмешкой в глазах.

— Да бесполезно, Оля, бес-по-лез-но, — произнёс он по слогам, когда она набирала номер Феди раз в пятнадцатый. — Занят он там. Либо жди, когда спустится после секс-марафона с Кирой, либо...

— Я не могу ждать! — почти простонала Оля. — Родители просили вернуться к полуночи. Если я этого не сделаю, Федьке в первую очередь достанется. А меня в следующий раз не пустят никуда.

— Позвони им, предупреди, что вернёшься позже. Ну, или не звони. И не жди Ключкова. Если хочешь, я отвезу тебя домой.

— Ты? — Оля так удивилась, что чуть не уронила телефон.

— Я, — кивнул Родин. — А что тут такого? Дойдём до моего дома, это совсем рядом, я возьму тачку и отвезу тебя.

— Тебе делать больше нечего?

— Конечно нечего, — хмыкнул Артём. — А что мне ещё делать? Кира с твоим Федей трахается, а я-то не у дел.

От этого небрежного «трахается» Олю передёрнуло.

А потом она представила, как Федя через какое-то время спустится со второго этажа после секса с Кирой... Он ведь спустится наверняка, вспомнит про Олю... И она будет вынуждена ехать с ним в электричке, а потом в автобусе, понимая, что он только что целовал (и не только) другую девушку...

Нет-нет-нет. Лучше уж Родин!

— Ладно, — кивнула Оля торопливо. — Я согласна. Только сразу скажу, что денег у меня нет ни копейки, чтобы отблагодарить.

— Благодарить можно и иначе...

— И целовать я тебя не стану, — перебила его Оля строгим голосом.

Артём засмеялся, прикрыв лицо рукой, будто ему было не только смешно, но и немного неловко.

— Не надо целовать. Ничего не надо. Просто отвезу — и всё, обещаю.

— Тогда договорились.

12

Оля

По пути к дому Артёма, а потом и в машине Оля всё сомневалась, правильно ли поступила. Может, стоило подождать Федю и поехать домой вместе, как договаривались изначально? Только родителей предупредить о задержке. Но потом девушка опять представила, как будет ехать в электричке и автобусе с Федей, который только что обнимался и целовался с Кирой, и понимала, что это уже чересчур. Одно дело — не знать, чем недавно занимался твой друг, в которого ты влюблена, и совсем другое — отлично это понимать!

Да и в целом... может, Федя забыл об Оле до утра? Сильно увлёкся Кирой, она наверняка многое умеет, и выбросил из головы свою надоедливую подружку...

— Как тебе моя машина? — услышала Оля вдруг вопрос Артёма и повернула голову, уставившись на парня, который в это время увлечённо рулил по широкой трассе. Судя по его виду, Родин ждал какой-то похвалы, и Зими́на решила его не разочаровывать.

— Хорошая.

— «Хорошая», — передразнил её Артём. — Ты, небось, в таких и не ездила ни разу.

— Не ездила, — спокойно подтвердила Оля, вновь отворачиваясь и глядя на дорогу. — Но я и не стремлюсь. Я равнодушна к машинам.

— У твоих родителей нет тачки?

— Нет, и не было никогда.

— И как вы так живёте... — пробормотал Родин негромко, и Оля улыбнулась — столько искреннего недоумения звучало в его голосе.

— Да нормально мы живём, не жалуемся. Общественный транспорт регулярно ходит, если нужно, заказываем такси. Нам хватает.

— А сама ты не хочешь водить научиться?

— Нет, — Оля покачала головой, — мне ни к чему. Кроме того, я жуткая трусиха. Таким, как я, не место за рулём.

— Ты про что? — заинтересовался Артём, поворачивая руль, и Оля невольно кинула взгляд на его руки. Кожа у Родина была белее, чем у Фе́ди, и пальцы более короткие, и менее заметны переплетения вен. Не знала бы, что это руки мужчины, подумала бы, что женские. Оля почему-то не сомневалась, что Артём даже маникюр в салоне себе делает.

— Я про то, что нужно обладать определённой смелостью, сидя за рулём, — пояснила Оля, вновь переводя взгляд на дорогу. — Когда я нахожусь на месте пассажира, я ни за что не отвечаю. От меня ничего не зависит. И если что-то случится, я не смогу повлиять на ситуацию.

— Разве это хорошо? — удивился Артём.

— Для того, кто боится, — очень, — тихо хмыкнула Оля. — А я боюсь сделать что-то не так. Боюсь стать виновницей аварии, причинить кому-то вред. И даже если я не буду виновата... Ты наверняка знаешь, сколько бывает случаев, когда под машины буквально бросаются из ближайших кустов. Животные, взрослые люди, дети. Совсем недавно я видела кадры, как мужчина решил перебежать трассу с оживлённым движением в неподобающем месте, и его сбили, естественно...

— Ну, он сам виноват. Голову надо всё-таки включать хотя бы иногда.

— Конечно, сам виноват. Не знаю, легче ли водителю, который его сбил, от этого факта. Мне если бы и было легче, то совсем немного. Всё равно больно, что я пусть и не специально, но убила человека. Нет, вождение — совсем не моё.

— А что твоё? — усмехнулся Артём. — Я как-то про тебя совсем ничего не знаю. Федя твой вроде стихи пишет и рассказы, все помнят его победу в конкурсе. А ты? Тебе что нравится?

— А я — дико скучный человек. Ничего нет во мне интересного. Поэтому я и говорю, что тебе нужно выбрать какой-то другой объект для вызывания ревности у Киры. Надо мной она просто поржёт.

Родин какое-то время молчал, явно обдумывая сказанное, и Оля, через пару минут решив посмотреть на его лицо, увидела, что Артём отчего-то улыбается. И в улыбке этой было столько предвкушения, что девушка не смогла не спросить:

— Ты чего? Странно как-то улыбаешься...

— Оль, — перебил её парень, — а как ты относишься к «Пигмалиону»?

13

Оля

Что имеет в виду Родин, она поняла сразу. Было бы странно не понять, учась на журфаке... Да и «Моя прекрасная леди» с Одри Хепбёрн и Рексом Харрисоном был у Оли одним из любимейших фильмов. Только не в дубляже, а в оригинале. Английский язык там был великолепный.

— Хорошо отношусь. Но я всё же не цветочница, и зовут меня совсем не Элиза. А ты ни капли не смахиваешь на профессора Хиггинса, уж прости. Скорее в нашем случае получится дурная американская комедия с нереалистичным финалом.

— Это когда главный мужской персонаж влюбляется в бывшую дурнушку? — засмеялся Артём, и Оля краем глаза заметила, что он смотрит на неё, а не на дорогу.

— Ты не отвлекайся, — сказала она строго. — Я ещё жить хочу. Тем более ты после бокала шампанского.

— Фигня, он уже выветрился. Так что насчёт финала? Почему ты считаешь его нереалистичным?

— А ты не считаешь? Много ты видел богатеньких красавчиков, которые влюбляются в бедных дурнушек? Я — ни одного.

— Я тоже, — Артём уже почти хохотал, — но всё когда-нибудь бывает в первый раз.

— Почти всё, — возразила Оля с прежней абсолютной серьёзностью — как у судьи на оглашении приговора. — Только не это.

Родин всё же расхохотался, и Оля сама улыбнулась — смеялся этот «богатенький красавчик» очаровательно. Очень заразительно и увлечённо. А уж ямочки на щеках...

— На самом деле я с тобой солидарен, конечно, — выдохнул Артём в конце концов, перестав смеяться и отдышавшись. — Да нам и не нужен такой финал. Нам нужен совсем другой. И подумай над моим предложением, Оль. Я тебя немножко «отшлифую», как профессор свою Элизу, и это точно заставит наших с тобой... хм... друзей ревновать.

— Меня не нужно шлифовать, — покачала головой Зими́на. — Меня всё устраивает. Да и денег нет на шлифование, а брать их у тебя даже в долг я совсем не хочу.

Артём поджал губы. Судя по всему, ответом он был недоволен.

— Зря отказываешься. Не понимаю, почему ты не хочешь побороться...

— Бороться надо честными методами, а это всё же ложь.

— А если честных методов не существует? — Родин огрызнулся, раздражённо покосившись на Олю. — Если все они уже испробованы?

— Значит, ты проиграл. Проигрывать тоже нужно уметь.

— Я не согласен с тобой, — он покачал головой. — За своё счастье нужно бороться. Выгрызть его зубами и когтями, драться за него при необходимости. А не стоять и смотреть, как всё проплывает мимо. Это философия лузера.

— Значит, я лузер. Но я и не претендую на большее.

Родин помолчал и, когда Оля уже подумала, что диалог на эту тему закончен, почти жалобно прошептал:

— А если я просто попрошу тебя помочь мне? Не заключить сделку, а просто помочь мне с Кирой? Я буду за тобой ухаживать, а Ключкову скажем правду, раз ты не хочешь ему врать. Он же не выдаст?

Оля, ошарашенная новым предложением, не сразу нашлась с ответом.

— Ну... — она кашлянула и посмотрела на Артёма. Он сидел с прямой спиной и изучал дорогу с таким напряжением, будто пытался разглядеть призрака в свете фар. — Этот вариант

лучше, но я не уверена, что у меня получится. Я обещаю тебе серьёзно подумать и ответить в понедельник, как и договаривались.

— Хорошо, — кивнул Родин и чуть расслабился. — Очень надеюсь, что ты примешь положительное решение.

Оля сомневалась в этом, но промолчала. Не хотела вновь его огорчать.

14

Артём

Он довёл Зимину до подъезда её дома, а потом вернулся к машине, достал из бардачка сигареты и закурил, вглядываясь в окна. Светилось не так много, но достаточно — не угадаешь, где именно живёт Оля, а поинтересоваться он забыл.

Артём хмыкнул и раздражённо сплюнул на асфальт. Какая разница, где живёт эта девчонка? Без разницы, хоть в подвале.

Точнее, должно быть без разницы. Но отчего-то было интересно.

Оля весь вечер, с самого первого своего ответа, вызывала у Родина странный интерес и какое-то болезненное любопытство. Она была не похожа ни на одну из знакомых девушек Артёма, и дело было не во внешности, а в её реакциях на то, что он говорил. Порой они отчего-то... задевали, будто по тонким струнам проводят острым напильником.

Артём понимал, что Зими́на влюблена в Ключкова, но всё равно отчего-то бесился из-за её откровенного равнодушия. Равнодушия ко всему, в том числе к крутой тачке, на которой Родин повёз девушку домой. А ведь это была не его машина — Артём рискнул, решив позаниматься на вечер автомобиль отца. Знал, что получит по башке на утро, но не удержался — хотелось распушить перья перед Олей и хотя бы чем-то её поразить, добиться реакции. Как можно было не отреагировать на шикарную «бэxu» с салоном из натуральной кожи?!

Оказалось — можно.

Артём сразу понял, что с Олей будет сложно. Как только она предположила, что он на неё с кем-то поспорил, Родин осознал, что с Зиминой нужно быть как можно более честным. Выжимать правду по максимуму, лишь приправляя её ложью — только тогда можно чего-то добиться.

Естественно, он лгал, рассказывая про свою влюблённость в Киру. Конфетка Ахматова, которую Артём знал с детства, его не интересовала, как не интересует любого человека диван или шкаф, простоявший в квартире в течение двадцати лет. Родин понимал Киру лучше, чем себя, и она была ему абсолютно ясна. Максимум, что она могла дать, — хороший секс, но Артёму этого было мало. Он согласился на Кирино предложение, надеясь хоть немного развлечься и отвлечься от безмерной скуки. И вот... отвлёкся.

Пришлось наплесть Оле про влюблённость в Киру — иначе Зими́на не поверила бы в намерения Артёма поухаживать. Он так радовался, что нашёл выход, придумал эту схему с взаимопомощью — идеально для того, чтобы быть рядом с девушкой! — но и тут Оля не впечатлилась. Она говорила справедливые и рассудочные вещи, и Артём не мог не восхищаться её разумностью.

Ему не хотелось восхищаться — но он восхищался. Потому что понимал, как сложно противостоять подобному искушению, тем более когда оно само плывёт тебе в руки. Родин даже сделал Оле намёк, что готов потратить на её преображение хорошие деньги... и поразился до глубины души, когда и это предложение она решительно отклонила. Артём ушам своим не поверил.

Дурнушка без гроша в кармане отказывает парню с деньгами, который предлагает ей роль Элизы Дулиттл! Немыслимо. Что это — гордость или глупость?

И тогда Артём ухватился за последнюю возможность. Он решил, что если Оле безразличны деньги и не хочется обманывать Ключкова, то, может, она просто пожалеет несчастного и влюблённого Родина? Зими́на же добрая.

И он надавил на её жалость. Состроил несчастную мордашку и повздыхал тоскливо — и едва не расплылся в улыбке, увидев, что Оля повелась. Удивительная девчонка...

И сейчас, раскуривая терпкую сигарету и зачем-то вглядываясь в окна дома, в котором жила эта «удивительная девчонка», Артём вспоминал её глаза, мягкую и нежную улыбку, негромкий, но уверенный голос и неожиданно понял, что на самом деле хочет, чтобы Оля ответила «да, я согласна» на его предложение. Ещё пару часов назад ему было всё равно — а теперь нет.

Потому что с Зиминной точно не будет скучно.

Да, кстати! Артём залез в задний карман джинсов и вытащил оттуда мобильный телефон Клочкова. Выключенный, естественно. Родин стащил его по просьбе Киры, когда возвращался с террасы в дом перед выступлением стриптизёров. Кира боялась, что в самый неподходящий момент Клочкову позвонит Оля или он сам захочет её позвать. Кроме того, потеря телефона означала, что какое-то время Федя проведёт, разыскивая его, а там, может, и до утра задержится.

Артём хмыкнул и, подойдя к урне возле подъезда, выкинул туда телефон.

15

Федя

Конечно, когда Федя спустился вниз, слегка злясь из-за того, что Кира максимально долго убирала книги в потайной сейф, Оли в доме не оказалось. Винить её Клочков не мог, понимая, что она и так ждала максимально долго. А ждать до последнего вряд ли было разумно — Оля ведь не знала, что происходит между ним и Кирой. Наверное, она подумала, будто...

И вот от этого было почему-то тошнотворнее всего. Федя понимал, что могла подумать Оля, когда он не отвечал на её звонки — а она наверняка звонила! — и не пришёл вовремя, чтобы вместе поехать домой. Он и сам бы подумал нечто подобное, если бы Оля пошла наверх с Родиным и пропала на пару часов.

— Да не волнуйся ты, — махнула рукой Кира, видимо заметив Федину нервозность. — Твоя подружка ведь не одна домой поехала. Не на электричке, а на машине, и не с кем-нибудь, а с Артёмом.

— С кем?! — задохнулся от шока Федя, глядя на Киру вытаращенными глазами и надеясь, что она имела в виду какого-нибудь другого Артёма.

Но увы.

— С Родиным. Они отсюда вместе ушли, их несколько человек видели.

Федя с трудом сдержал желание немедленно бежать следом за Олей и яростно сжал кулаки. Артём! Сволочь! И чего он к Ольке прицепился?! Но главное — зачем она-то с ним пошла, знает ведь, какой он человек!

Подсознание шептало: «Такой же, как Кира, а ты ведь с ней пошёл...», но Федя отмахнулся от него. Мало кто умеет признавать не только чужие, но и свои ошибки, и Клочков сейчас был не способен на такое самоосознание.

Потерянный телефон как-то сразу отошёл на второй план. Хрен бы с ним, это и так была не труба, а развалюха, давно пора купить новую. Фотки все в «облаке», а больше ничего ценного там и не было — банковские приложения Клочков на телефоне на всякий случай не устанавливал, пользовался карточками или оформлял платежи с компьютера. Так что не страшно, потерялся и потерялся. Наверное, Федя его в листву уронил, когда с Олей по саду гулял и всё фотографировал.

Денег на новый телефон сейчас, разумеется, не было, но Клочков знал, что наскребёт на какую-нибудь подержанную модель. Благо этого барахла в интернете много.

А вот то, что Оля поехала с Родиным...

Это волновало и злило неимоверно. Хотелось рвать и метать, а ещё хорошенько врезать Артёму по зубам, чтобы неповадно было. Ему мало девок, что ли? Зачем ему Оля понадобилась? Любую другую мог выбрать, но полез отчего-то к Ольке. К *его* Ольке!

— Слушай, Кира, — Федя развернулся лицом к повеселевшей девушке и решительно поинтересовался: — Номер Артёма у тебя есть? Дай я ему наберу, если не возражаешь.

— Возражаю, — тут же резко ответила Кира, скривившись. — Они с Зиминной сейчас в дороге наверняка, зачем его отвлекать? Утром поговоришь. Ну или в понедельник. Да ты чего так злишься-то, не пойму? Родин твоей Оле одолжение сделал, услугу оказал. Не сомневаюсь, что ещё и бесплатную. А ты тут из себя огнедышащего дракона изображаешь. Может... — И тут Кира лукаво улыбнулась, блеснув идеально белыми зубами. Отбеливает, не иначе. — Пойдём в бассейн? Я его тебе ещё не успела показать... И остальных возьмём, кто ещё не уехал. Как раз человек семь осталось, не так тесно будет...

— Нет, — отрезал Федя. — Я поеду, Кир. Мать с работы должна прийти утром, если она меня дома не обнаружит, с ума сойдёт. А я её даже предупредить не могу — номера не помню.

— Не помнишь номер мамы? — удивилась Кира.

— Она их меняет постоянно, — пояснил Федя, не уточняя по какой причине. Разгадка была проста: телефоны его мать часто теряла, но не хотела заморачиваться с восстановлением номера, покупала новую сим-карту, и всё. — Олин номер помню. Могу ей позвонить, предупредить. Но ехать всё равно надо, извини.

— Не хочешь остаться на ночь? — Кира вновь призывно улыбнулась. — У меня кровать широкая...

Федя соврал бы, если бы сказал, что ему совсем не по душе подобное предложение. Хотя, нет, «по душе» — немного не то определение. С душой это было не связано. Только с телом.

— В другой раз. А сейчас можешь дать мне телефон, я попробую Оле дозвониться, узнать, как она?

Кира, мгновение поколебавшись, протянула трубку.

Но Оля, к сожалению, на звонки не отвечала, и Федя, попытавшись дозвониться до неё трижды, с разочарованным вздохом отдал Кире телефон и пошёл в прихожую — одеваться.

Федя чувствовал себя яблоком, которое изнутри грызут навязчивые мелкие червяки. Он сильно беспокоился за Олю, опасаясь, что Артём может её обидеть. Не обязательно специально, даже ненароком. Родин — парень с кучей бабла, но без малейшей душевности и деликатности, он способен на всё.

Поэтому Федя, быстро простившись с насупленной Кирой, помчался на последнюю электричку.

16

Федя

Домой он пришёл поздно, но спать так и не лёг — от волнения и тревоги за Олю не мог заставить себя умыться и пойти в постель. Сидел на кухне, пил чай и ждал утра, чтобы отправиться к Оле домой и узнать, как она, не сделал ли Артём ей больно словами или действиями. Федя отчего-то не сомневался, что Родин и на насилие способен. И очень надеялся, что ничего подобного не случилось. Но отчего Артём вообще вздумал подвозить Олю до дома, Федя не понимал. Предположить, что Зимина ему понравилась, было невозможно — Родину нравились девушки другого типа и с иным достатком. Да и за прошедшие совместные годы обучения Федя не помнил ни одного случая, когда бы этот богатенький парень проявлял хоть малейший интерес к Оле. Кажется, Артём с ней даже ни разу не заговаривал без надобности и толком не здоровался. О каком интересе может быть речь? Не о гастрономическом же.

Если только этот гад решил с кем-нибудь на Олю поспорить, как в фильмах показывают. Феде всегда казалось, что подобный сюжет абсолютно бредов — какой смысл спорить на девчонку? Чтобы потом всем было мерзко? Но мало ли, что в головах у этих богатеньких беспринципных тварей. Взял да и поспорил, а теперь будет Олю обрабатывать и очаровывать.

От этих мыслей становилось тошно, и Феде даже казалось, что у чая появлялся неприятный привкус. И врезать Родину хотелось как никогда сильно. Даже если он не помышлял ничего плохого — во что не верилось, — просто врезать, чтобы больше не смел подходить к Оле.

Федя еле дождался утра и около семи часов, оставив матери записку на случай, если та придёт с работы раньше, чем он вернётся, побежал к дому Оли. Плевать, что совсем рано, — её родители всегда вставали с петухами, даже в выходные. А он только спросит, всё ли с ней в порядке, а потом может и во дворе подождать, пока Оля проснётся...

Федя поднялся на четвёртый этаж, по обыкновению не пользуясь лифтом, и позвонил в дверь. Дрожащей рукой попытался пригладить растрепавшиеся от быстрого бега волосы, а заодно и прикрыть уши — Федя немного стеснялся своей лопухости, — и переминался с ноги на ногу, ощущая, как гулко и сильно бухает в груди сердце.

Дверь открылась, когда Ключков уже подумывал позвонить ещё раз, но на пороге оказались не родители Оли, как ожидал Федя, а сама Оля. Сонная, с полузакрытыми глазами и в ночной рубашке.

Ещё недавно ему было холодно из-за того, что во время быстрого бега он наглотался прохладного осеннего воздуха, но сейчас внезапно стало жарко — как будто разом вскипела кровь. И дыхание перехватило, тугим обручем стягивая горло — Федя даже кашлянул, пытаясь продышаться.

Услышав этот кашель, Оля распахнула глаза и подпрыгнула, непроизвольно делая шаг назад.

— Ой...

— Не бойся, это я, — сказал Федя каким-то странным изменившимся голосом и зашёл в квартиру. Оля застыла на месте, глядя на него округлившимися глазами, полными смущения, и по телу Феи второй раз за прошедшую минуту прошла горячая волна, отдаваясь напряжением в области паха.

Чёрт, это же Оля...

Оля, да. Но Федя никогда не видел её вот такой — в одной ночнушке, едва доходящей до середины бедра, белой и не слишком плотной. Нет, не откровенной, без кокетливых кружев и разрезов — длинная футболка, да и всё. Но... ноги...

Оля всегда носила джинсы. А если юбки, то почти до щиколоток или чуть ниже колен. И обязательно с колготками. Вот такую, с голыми ногами, Федя её ещё не видел. И теперь не мог оторвать взгляд от пухленьких коленок и широких бёдер...

Обжигающие всё тело волны желания отдавались дрожью в пальцах, да и мысли тоже начинали дрожать, поэтому Федя почти не слышал, что говорит ему Оля.

— Извини, я не думала, что это ты пришёл... Я думала: родители, они уехали минут десять назад на рынок. Ключи не взяли, сказали, чтобы я просто закрылась. Я решила: они что-то забыли... — Оля запнулась и пронзительно покраснела, дёргая ночнушку за подол. — Я отойду, переоденусь...

— Не надо, — прохрипел Федя и, сделав ещё шаг вперёд, взял Олю за руку. Вздрогнул от этого прикосновения и с удивлением понял, что Оля отчего-то тоже дрожит. — Пойдём в комнату...

Она покорно пошла за ним, не возражая, — впрочем, как и всегда. Оля почти всё время делала так, как просил Федя, возражала крайне редко. Если только дело касалось каких-то принципиальных моментов.

Но сейчас она шла, сжимая его руку, и двигалась как во сне. Федя покосился на Олю и чуть не споткнулся, заметив румянец на её щеках. И светлая косичка была в беспорядке, особенно топорщились волосы возле лица, завиваясь мелкими кудряшками.

Но больше всего — даже больше, чем ноги, — Федю поразила Олина грудь. Под ночнушкой не было белья, и рассмотреть очертания тела девушки можно было легко. Выделяющиеся под тонким хлопком вершинки сосков притягивали взгляд просто невероятно, и Федя постоянно сдерживал желание ещё и прикоснуться к ним.

Это было совсем другое чувство — не как с Кирой. Киру просто хотелось попробовать, как торт или колбасу. И плевать, кто ещё будет отрезать кусок от этой вкусности, хоть вся институтская группа пусть пробует.

Олю не хотелось отдавать никому. И обижать тоже не хотелось, тогда как на обиды Киры Феде было плевать. Поэтому он старательно сдерживался, понимая, что за распускание рук Оля засветит ему в глаз и будет права.

Федя чувствовал себя жадным скрягой, когда смотрел на Олю. Её хотелось не только трогать, но и спрятать, спрятать от всех... Особенно от Артёма Родина.

Они зашли в комнату, и Ключков сразу зацепился взглядом за неубранную кровать. Сердце застучало так, что Феде показалось — этот звук должен был заполнить всё пространство, как барабанная дробь. В глазах помутилось, между ног будто пламя вспыхнуло — даже больно стало...

И Федя неожиданно представил, как снимает с Оли рубашку и укладывает девушку сюда, в эту постель, а потом...

Он кашлянул, пытаясь отогнать от себя совсем неприличные картинки.

Что это с ним? Гормональное, может? Не надо так с Олей, она заслуживает совсем другого...

— Что ты хотел? — произнесла девушка негромко и отняла свою руку. — Ты же не просто так пришёл настолько рано?

— Да, — кивнул Федя и повернулся к Оле лицом. Тут же пожалел об этом, поскольку внятные мысли сразу покинули его голову. Остались только образы. И нестерпимо захотелось узнать, как Оля выглядит без ночнушки. — Я... ты...

— Ты беспокоился из-за того, что я уехала с Артёмом? — уточнила Оля, отводя взгляд. Федя почти не слышал, что говорила девушка, — он смотрел на её грудь. Какие же у неё соски, боже... — Всё в порядке, он ничего плохого мне не сделал, просто довёз до дома.

Федя резко выдохнул, намереваясь сказать что-то вроде: «Тебе нужно быть с ним осторожнее», но вместо этого почему-то получилось:

— А на тебе сейчас есть бельё?

17

Оля

В первое мгновение она ушам своим не поверила. Что Федя такое говорит?..

Непроизвольно поджала пальцы на ногах и облизнула губы. Сердце взволнованно бухало, в голове мутилось, и всё, что смогла Оля, — это прошептать:

— Что?..

Но Федя уже, кажется, опомнился. Помогал головой, зажмурился на секунду, сделал шаг назад, вновь открыл глаза — и словно обжёт Олю своим лихорадочным взглядом.

Глаза у Феди и правда блестели как у шального. И взгляд был жадным, впиваясь прямо в её сердце.

— Извини, я... — вздохнул Федя, явно пытаясь успокоиться. А Оля вдруг рассердилась:

— Потрясающе, — сказала она негромко, но язвительно, — ты только что от Киры, но про бельё спрашиваешь меня. Тебе не хватило?

Федя нахмурился и слегка побагровел, глядя на Олю с осуждением.

— У меня с Кирой ничего не было.

— Ага, ну да, — хмыкнула Оля. — Ты с ней, наверное, в шахматы играл.

— Оля! Правда, не было!

— Совсем-совсем ничего? — она иронично, но горько улыбнулась. — И не целовались, и не лапали друг друга?

Вот тут Федя смутился — и Оля поняла, что попала в цель.

Стало так больно, что она даже не могла дышать. Стояла и просто смотрела на Федю, не понимая, как он может... Целовал и трогал Киру несколько часов назад, а теперь спрашивает про Олино бельё. Что за бред?

— Это совсем другое, — буркнул Федя, слегка опуская голову и глядя на Олю с упрямством. — Кира...

— Перестань, — почти простонала Оля и отвернулась. — Пожалуйста, уходи. Ты хотел удостовериться, что со мной всё в порядке, — вот я, цела и невредима. Артём был очень вежлив и ни про какое бельё меня не спрашивал.

— Оль...

— Уходи, — бросила она, не оглядываясь. — Мало того, что ты меня вчера просто бросил в доме Киры, так ещё и сегодня решил обидеть. Если ты хочешь развлекаться, то, пожалуйста, не со мной. В одном ты прав — это другое. Я другая, не такая, как Кира. Мне неприятно, что ты так себя ведёшь.

Федя молчал, но не уходил. Оля слышала его дыхание, и ей казалось, что оно касается её спины и бёдер, как прикосновение горячей и желанной ладони, гладит обнажённую кожу, но не успокаивая, а волнуя. И так всё это было остро и страстно, что девушка едва не стонала от напряжённости, в которой в эти минуты находилась.

— Прости, — сказал наконец Федя негромко. — Ты абсолютно права, Оль. Я не хотел тебя обижать, и в мыслях не было. Я больше не буду.

«Больше и не надо», — с отчаянием подумала Оля, чувствуя, как по щеке потекла первая слезинка.

— Ты меня простишь?

— Конечно, — ответила девушка легко и привычно. — Мы друзья, ты же знаешь. Но сейчас иди, пожалуйста. Мне надо это пережить.

— Хорошо...

Федя послушался и молча вышел из комнаты. Через минуту Оля услышала шорох закрываемой входной двери и метнулась в коридор, чтобы закрыть её, а потом отправилась в душ — смывать с себя неприятное липкое ощущение ненужности.

18

Федя

«Мне надо это пережить».

Федя, хмурясь, шагал по двору, испытывая невероятное по силе желание что-нибудь разбить или кого-нибудь покалечить. Он понимал, что злится на себя и если уж бить и калечить, то его самого. Однако Федя знал, что в драках на самом деле мало толку, — жизнь научила — и пытался успокоиться.

Что имела в виду Оля, говоря: «Мне надо это пережить»? Что именно переживать? Да, ситуация не самая приятная, но Федя ведь ничего не сделал. Не хватал, не пытался снять ночнушку — просто спросил. Ляпнул, если так можно выразиться. Он не раз и не два ляпал Оле чёрт-те что, она обижалась, а потом прощала. Всегда прощала. И никогда не говорила: «Мне надо это пережить».

А сейчас сказала. Почему?

Ей так неприятен этот вопрос про бельё? Наверное, да. Но чтобы прям сильно переживать из-за этого... Не слишком ли?

Алёна Леонидовна, их с Олей классный руководитель, часто говорила, что нужно стараться ставить себя на место другого человека. И Федя сейчас постарался поставить. На удивление помогло — он тут же взбесился.

Представил, что это не он, а Оля ушла наверх с Родиным и пропала на несколько часов, а про потерянный телефон Федя был не в курсе. Потом, после того, как его привезла домой Кира, Оля явилась бы с утра пораньше, хорошенько перед этим натискавшись с Артёмом, и поинтересовалась бы у Феди, носит ли он трусы в постели.

Да, оскорбительно. Было в этом что-то такое... пренебрежительное. Будто Оля для него не самый лучший человек в мире, а всего лишь девчонка, с которой можно вести себя как хочешь, потому что она всё равно простит.

А если не простит? Если однажды обидится так, что видеть Федю не захочет?

От подобной мысли стало дурно настолько, что Ключков даже опустил на лавочку и потёр ледяными ладонями лицо. Нужно возвращаться домой, чтобы мама не волновалась, но ему не хотелось идти туда сейчас. А хотелось...

Да к Оле хотелось. Ещё раз извиниться. И извиняться бесконечное множество раз, пока она не поверит, что он не желал ничего плохого. Что она нужна ему, как воздух нужна, без неё он пропадёт...

Федя не понимал, отчего так думает, — он просто чувствовал. С тех пор, как умерла Наташа, он с Олей почти не разлучался и не представлял, что будет делать, если она и правда обидится.

Пошла к чёртовой бабушке эта Кира! Если Оле неприятно, что Федя замутил с Ахматовой, он на ту больше не взглянет. Ни на кого не взглянет, лишь бы Оля не сердилась.

И про Родина надо бы поговорить нормально. Но не сегодня, конечно, не сегодня. Пусть Оля остынет. Завтра в институте поговорят.

А пока нужно возвращаться к матери. А потом залезть в интернет, поискать себе «новый» телефон. И симку восстановить, чтобы можно было написать Оле много-много хороших слов в мессенджер.

Феде отчаянно хотелось поскорее помириться.

19

Кира

Ночью Артём не отвечал на звонки, но Кира особенно и не рассчитывала: знала, что Родин отключает звук, когда ложится спать. Тем не менее было досадно, что он не посчитал нужным отзвониться сам и рассказать, как всё прошло. Ну, или хотя бы написал бы в мессенджер пару предложений! Не развалился бы от таких усилий.

Дозвонилась Артёму Кира только около десяти часов утра, уже начиная кипеть от негодования. И, услышав его сонный спокойный голос в трубке, раздражённо прошипела:

— У тебя совесть есть?!

— Нет, — откликнулся он тут же, даже не поменяв тон — говорил так же лениво, как с дурочкой. — И тебе это отлично известно.

Кира сжала кулак. Спокойствие, только спокойствие...

— Я просто хотела узнать, как дела с Зиминной, — процедила Ахматова, делая глубокий вдох. Родин умел невероятно бесить её с самого детства, когда они ещё играли в одной песочнице. — Есть успехи?

— Нет, — в том же тоне ответил Артём, и Кира замерла от неожиданности.

— Что? — выдохнула девушка мгновением спустя. — Ты... совсем?.. Как это — нет успехов?! Мы же договаривались!

— Так, конфетка, — на этот раз тон голоса Родина изменился, но Киру это совершенно не обрадовало, — если ты сама готова броситься в постель к первому встречному, это не значит, что все вокруг такие же. Зимина — другая. С ней нужно время. Она не клюнет на деньги или симпатичную мордашку, её можно взять только добрым отношением и, скорее всего, жалостью.

— Жалостью? — удивлённо протянула Кира. — Ты о чём, Родин?

— О том, Ахматова. Ты же помнишь историю любви Клочкова к той девушке, которая умерла. Все помнят. Так вот Оля была её лучшей подругой.

— А ты откуда знаешь?

— Клочков сам говорил, просто ты это не запомнила, — хмыкнул Артём. — В общем, Зимина его пожалела, я уверен. Пожалела, пригрела, а потом влюбилась. Я собираюсь использовать похожую схему. Но есть нюанс.

— Какой ещё нюанс?

— Я сказал Оле, что влюблён в тебя.

Кира поперхнулась персиком, который ела на завтрак.

— Что-о? — переспросила, хорошенько прокашлявшись — всё то время, пока она кричала, Родин молчал.

— Непонятливая ты, Ахматова, — вздохнул он нарочито горестно. — Я только что про жалость тебе объяснил ведь. Олю не проймёшь ничем, единственный способ ей понравиться — относиться по-доброму и вызвать сочувствие. Я сказал ей, что влюблён в тебя и что мне нужна помощь, чтобы заставить тебя ревновать. Предложил сделку. Мы с ней будем изображать влюблённую парочку, а вы с Клочковым будете на нас смотреть и вздыхать. Теперь ясно?

Кира хихикнула.

— Теперь да.

— Замечательно, — подытожил Родин. — Так вот, конфетка. Тебе тоже нужно будет поднапрячься.

— Не поняла, при чём тут я?

— При том. Зимина должна увидеть, что тебе не пофиг весь этот спектакль. Поэтому никаких пренебрежительных взглядов. Смотри на нас с обидой, как девочка, у которой отобрали новогодний подарок. Я знаю, ты справишься.

— Справлюсь, — подтвердила Кира, довольно улыбнувшись. — Кстати, было бы круто, если бы ты снял на видео, как с Зиминкой трахаешься. Феде показать, тогда они точно поссорятся.

— Дура ты, Ахматова, — грубо отрезал Артём, и Кира надула губы. — Клочков за такое меня порвёт на ленточки.

— Боишься?

— Это называется инстинктом самосохранения. И я очень советую тебе иногда его включать. Говорят, помогает, — хмыкнул Родин и бросил трубку.

20

Оля

После ухода Феди и принятия душа Оля переделалась в домашний спортивный костюм и принялась готовить завтрак, стараясь отвлечься от унылых мыслей. Обычно приготовление еды помогало, но не в этот раз. И омлет Оля умудрилась пересолить, и совсем не повеселела.

Родителей всё не было, и девушка, быстро позавтракав, вернулась в свою комнату. Подошла к окну, посмотрела во двор, вздохнула — погода была премерзкая, холодно и сыро, только что листья на деревьях ещё были, и даже зелёные, — а потом повернулась лицом к книжному шкафу, что стоял тут же, у окна.

На одну из полок почти три года назад Оля поставила фотографию в светлой деревянной рамке и положила рядом сухую белую розу. На этой фотографии Оля стояла рядом с Наташей Ивановой, своей лучшей подругой, посреди летнего залитого солнцем леса. Обе держали в каждой руке по здоровенному белому грибу и улыбались.

На этой фотографии им было по пятнадцать лет, и Оля отлично помнила тот день — одно из счастливейших её воспоминаний. Они ходили тогда вместе с родителями и Наташиным младшим братом в лес за грибами и набрали столько, что потом замучились в банки закатывать. И на малинник большой наткнулись, малины налопались так, что несколько лет видеть её не могли.

Оля вздохнула, открыла шкаф и взяла фотографию в руки, вглядываясь в улыбающееся лицо Наташи. Сердце привычно сжалось от боли и досады, и Оля, прерывисто вздохнув, вернула фотографию на место.

Она скучала по подруге. Да, с Федей Оля тоже была дружна, но это совсем не то. Он всё-таки мальчишка, да и сошлась она с ним только после Наташиной смерти. А с Наташей они дружили с первого класса.

Наташа была красивой, гораздо красивее Оли. Но внешность — ерунда, гораздо важнее нечто совсем другое. То, из-за чего Оля была уверена, что уже не найдёт для себя близкой подруги. Будут просто приятельницы и знакомые, но лучшей подруги — нет, не появится. Так же, как не может быть второй мамы, сестры или брата.

Наташа не была влюблена в Федю — это Оля знала точно, но ничего ему не говорила. Когда три года назад Олина подруга узнала о своей болезни, она встречалась с другим парнем, но тот, выяснив правду о Наташиных недомоганиях, предпочёл бросить девушку. Федя с ним подрался, а потом...

Оля прекрасно знала, что было потом. Наташа приняла ухаживания мальчишки, который был влюблён в неё с первого класса, потому что находилась в отчаянии.

— Я не знаю, что чувствую к нему, Оль, — так она тогда говорила. — Я ему признательна, он мне нравится, но... Не знаю... И отталкивать не хочется.

— Не отталкивай, — горячо уверила её Оля, хотя сердце обливалось кровью. — Потом разберётся. Когда ты выздоровеешь...

Она не выздоровела. И Федя так и не узнал, что Наташа, принимая от него серебряное кольцо и предложение жениться в будущем, была не уверена в своих чувствах. Оля не сказала ему об этом, не желая причинять боль. Несмотря на то, что сама она, в отличие от Наташи, как раз любила Федю...

Оля не знала, как так получилось, но ей с первого взгляда запомнился лопоухий вихрастый мальчишка со светло-кариими глазами и упрямой ямочкой на подбородке. Улыбчивый, но не задиристый, и такой же любитель книжек, как и сама Оля. Девочка видела, что Федя носит в портфеле те же книги, что читала она сама, и пыталась поговорить с ним, обсудить

прочитанное... Но Федя отмахнулся. Он смотрел влюблёнными глазами на Наташу — Оля его не интересовала. А Наташу не интересовал он. Классика...

Оля не сердилась из-за этого на подругу: сердцу не прикажешь. Наташе нравились другие мальчишки, а к Феде она всегда относилась не слишком серьёзно, тем более что он, в отличие от неё, был троечником по всем предметам, кроме гуманитарных. Наташа любила математику, физику и химию, поэтому Ключков казался ей дурачком. Всё изменилось после того, как Федя её защитил. Она посмотрела на него другими глазами и прониклась. Да и кто бы не проникся после такого? Ещё и колечко подарил. Но стихи он Наташе не читал, и рассказы свои не показывал — стеснялся. Оле потом показал...

— Видишь, как получается? — шепнула девушка, глядя на улыбающееся лицо подруги на фотографии. — Тебя он был готов на руках носить, а я для него — как вещь, которая всё равно никуда не денется. Всё равно простит, что бы он ни сказал и ни сделал. Совсем о моих чувствах не думает. Впрочем, чего о них думать? Сам же заявил однажды, что ему не нужна моя любовь. Может, и прав Родин?.. — Оля запнулась и, нахмурившись, отвернулась от фотографии.

Нет, Артём не прав. Потому что если Федя действительно захочет быть с Олей после спектакля, который она разыграет с Родиным, — от этого будет ещё тошнотворнее на душе, чем сейчас. Вроде как Федя не сам захотел, а его вынудили, заставили.

Нельзя так делать.

21

Федя

Когда он пришёл домой, мать уже спала, похрапывая и накрывшись одеялом с головой. Федя выпил чаю и съел бутерброд, а затем отправился в свою комнату и принялся рыться на сайте с объявлениями, чтобы найти подходящий телефон. Справился быстро, договорился о встрече, вновь оделся и выскочил из дома.

Через пару часов, восстановив сим-карту в ближайшем салоне связи, Федя наконец смог написать сообщение Оле. Сел на лавочку в сквере возле своего дома, открыл мессенджер и пытался минут двадцать, мучительно подбирая каждое слово. Он даже стихи с таким усердием не писал, как сейчас это сообщение!

«Вчера я где-то потерял телефон, только что купил новый. Поэтому позвонить не мог. Кира позвала меня смотреть книги в библиотеку своего отца, в том числе антикварные. Я действительно очень увлёкся и совсем забыл о времени».

Напечатав всё это, Федя закусил губу и нервно постучал ботинком по асфальту. Конечно, не совсем правда, и Оля наверняка догадается. Но не писать же, что он увлёкся не только книгами, но и лапаньем Ахматовой? Не признаваться ведь, что интересно было её щупать? Как-то противно рассказывать о таком. И уж точно не способствует прощению!

Вздохнув, Федя добавил:

«Когда опомнился, было уже поздно — ты уехала с Артёмом. Я переживал, звонил тебе с телефона Киры, но ты не брала трубку. Поэтому и примчался с утра... Оля, прости меня за всё. И за то, что забыл о тебе вчера вечером, и за своё утреннее поведение. Я ничего плохого не имел в виду! И обижать я тебя совсем не хочу! Что угодно сделаю, только не сердись!»

Отправив этот сумбурный шедевр, Федя принялся ждать ответ. Оля прочитала почти сразу, но какое-то время молчала, и Ключков за эти минуты весь издёргался.

Но от пришедшего в итоге лаконичного ответа легче совсем не стало.

«Я не сержусь. Всё в порядке. До завтра».

Феде хотелось написать: «Врёшь, ты сердишься, я же чувствую», но он стиснул зубы и промолчал. Сейчас не писать бы, а бежать к Оле с букетом и конфетами! Отвлекать разговорами, шутить, тормозить её, пока не перестанет дуться и не начнёт улыбаться. Плавали — знаем, как надо действовать!

Но после покупки мобильного телефона у Феде совсем не было денег. Даже на обеды в институте теперь не хватит — придётся носить с собой бутерброды или не есть вообще, терпеть до вечера. Если только купить одну розу... Но нет, это как-то совсем несолидно. Хотя бы три розы надо, и конфеты обязательно. А то как косячить — так Федя первый, а как прощения просить — так денег нет. Нехорошо!

В результате он решил, что всё-таки подождёт до завтра — заодно, может, Оля ещё успокоится, — и вернулся домой. Мама к этому времени уже проснулась и варила щи — запах стоял на всю квартиру.

— Садись, — сказала она сразу же, как Федя зашёл на кухню. — Пообедаем. Ты чего смурной такой?

— Да так, — буркнул Ключков и опустил на табуретку. Потёр ладонями лицо — глаза после бессонной ночи немилосердно слипались — и замер, услышав спокойный вопрос:

— С Олей поссорился?

Его мать крайне редко проявляла чудеса проницательности, да и в целом была равнодушна к проблемам Феде, поэтому он опустил руки и посмотрел на неё с удивлением.

— Ты такой смурной, только когда с Олей ссоришься, — пояснила Нина Викторовна, поставив перед Федей тарелку с густыми щами. — По другим причинам не убиваешься так.

— Да, — он решил не отпираться и пожал плечами. — Обидел я её. Уже просил прощения, но она ещё сердится. Завтра опять попрошу...

— А не боишься, что уведут? — поинтересовалась Нина Викторовна, и Федя, уже схватившийся за ложку, уронил её обратно на стол.

— В смысле?..

— Олю твою уведут, — повторила его мама, добавляя сметану в суп. — Найдётся какой-нибудь парень, подсуется — и вуаля: останешься ты без Оли. Не думал об этом?

Федя молчал, не зная, что сказать.

Уведут. Олю? Но...

— Мы с ней друзья...

— Ну-ну, — усмехнулась Нина Викторовна, и Федя, нахмурившись, произнёс:

— Ты почему так странно реагируешь? Да, друзья. Подружились после... сама знаешь чего. И никто Олю у меня не уведёт! Она не такой человек, чтобы променять дружбу непонятно на что.

— Ладно, — вздохнула мама, не поднимая глаз. — Как скажешь. — И пробурчала почти неслышно: — Замучил уже девчонку...

Федя не понял, о чём она говорит, но решил не уточнять. Словно заранее чувствовал: ответ ему не понравится.

22

Оля

Утром следующего дня погода оказалась существенно лучше, чем накануне, — светило яркое солнце, небо было ясным, без единой тучки, и температура прыгнула вверх, достигнув устойчивой отметки в пятнадцать градусов. Оля собиралась в институт почти с удовольствием, предвкушая приятную прогулку от метро до основного корпуса, где должен был пройти семинар по литературному редактированию. Идти там было минут пятнадцать — как раз самое оно, чтобы проветриться перед тяжёлым учебным днём. А понедельник у их группы были особенно загруженными.

— Оля! — раздался вдруг чей-то весёлый голос неподалёку, и девушка вздрогнула, оглядываясь. Почти тут же вытаращила глаза, потому что в нескольких метрах от её подъезда, облокачиваясь на дверцу припаркованной машины, стоял Артём, улыбаясь широко и беззаботно. — Иди сюда, я тебя довезу!

— Ты шутишь? — пробормотала Оля, но тем не менее подошла ближе — иначе это было бы невежливо. Да и орать на весь двор с утра пораньше как-то нехорошо. — Или ты таксистом решил устроиться?

— Ладно тебе, — фыркнул Родин, даже не подумав перестать улыбаться. И смерил Олю оценивающим взглядом с головы до ног. От этого взгляда девушка слегка вздрогнула — не привыкла она видеть в глазах Артёма определённый интерес, совсем не привыкла. — Мне не сложно подвезти, да и поговорим нормально. А то ты как в институт придёшь, сразу вновь начнёшь ходить повсюду за Ключковым, наплевав на его к тебе отношение.

— Дело не в Феде, — покачала головой Оля. — Я просто хотела прогуляться. Погода-то хорошая, чего в машине сидеть? Тут и на метро всего три станции, а там пятнадцать минут до корпуса. Успею.

— Отлично, — кивнул Артём и захлопнул дверцу машины. — Я с тобой.

Оля оторопела.

— Эм...

— Не тушуйся, — Родин подошёл ближе, улыбаясь ей улыбкой стопроцентного ловеласа. — Я знаю, как пользоваться метрополитеном. У меня даже проездной есть.

— Серьёзно? — Оле вдруг стало смешно.

— Абсолютно. Пойдём, а то опоздаем. Да и спорить со мной бессмысленно, сама понимаешь. Я ведь уже сюда приехал, теперь ты от меня не отделаешься.

— Ладно, — Оля пожала плечами, — пойдём.

И невольно её кольнула мысль: а Федя вот не догадался так сделать. Мог бы и прийти утром к её подъезду, чтобы вместе добраться до института. Но не пришёл.

Не очень-то Оля ему и нужна...

23

Артём

План был таков: Родин приехал к Зиминной, а Кира должна была подкараулить Ключкова. Адрес она знала — подвозила его один раз в прошлом году как-то после выставки, на которую они ходили всем курсом. Единственное, чего не учёл Артём, — так это того, что Оля захочет ехать не на машине, что гораздо быстрее, а на метро. Прогуляться она желает, надо же...

Хотя погода и правда была ничего, почти летняя. И солнце так приятно согревало кожу, что Артём едва не предложил Зиминной забить на занятия и гулять так целый день. Но, нет, она бы всё равно не оценила — не из тех, кто любит пропускать учёбу.

Родин покосился на серьёзную Олю, которая шагала рядом с ним, глядя вперёд с задумчивым видом, и поинтересовался:

— Кофе не хочешь?

— Спасибо, я завтракала, — ответила она вежливо, и Артём хмыкнул. И всё же не удержался от реплики:

— Удивительная ты девчонка. Другая на твоём месте вытрясла бы из меня не только кофе, но и десерт.

— Мне ещё десертов не хватало... — пробормотала Оля беззлобно, и Родин непроизвольно схватил девушку за руку. Сам не понял, по какой причине. — Ты чего?..

В голубых глазах Зиминной застыло недоумение, и Артём чуть ослабил хватку. Провёл большим пальцем по запястью, рассматривая Олино лицо и удивляясь на себя — почему он всегда считал её дурнушкой?

Ведь у неё правильные черты лица. И глаза красивые, и нос прямой, а не картошкой, и кожа чистая, и губы... полные, не накрашенные никакой дурацкой помадой, привкус которой вечно стоит во рту, когда целуешься. Поэтому Артём и не любил поцелуи — он всё-таки хотел целовать девушку, а не есть помаду. Но Оля совсем не красилась, а значит...

— Ты зря комплексуешь, — выдавил из себя Родин, продолжая смотреть на Олины губы. — Ты симпатичная.

— Да ладно, — она мягко улыбнулась, явно не впечатлившись его заявлением. — Только не говори мне сейчас банальное: «О вкусах не спорят». Я и так это знаю. Как знаю и то, что парни любят глазами. И любят они стройных. Я отнюдь не стройная, поэтому на меня сроду никто не обращал внимания. И то, что мне надо похудеть, тоже говорить не стоит! Не всё так просто, к сожалению.

— Я не собирался это говорить, — возразил Артём решительно. — Я просто сказал, что ты зря комплексуешь. Мне ты...

Родин запнулся. Он едва не сказал: «Мне ты нравишься больше, чем Кира», но это ступило бы весь план. Пришлось импровизировать.

— Мне ты кажешься очень хорошенькой. Тебя бы только приодеть...

— Ой, не начинай. Тоже мне, Юдашкин. Ты хотел кофе? Вон там можно купить.

Оля махнула рукой на палатку возле метро, и через пару минут Артём стал обладателем большой порции капучино. Жить сразу стало веселее.

Оле он тоже купил кофе, несмотря на все её возражения. Но латте. Почему-то решил, что с её покладистым характером ей наверняка нравится что-то более нежное. И угадал.

— Спасибо, — поблагодарила его девушка. — Но как мы с этими стаканчиками пойдём в метро?

— Молча? — предположил Артём, поиграв бровями, и замер, когда Оля рассмеялась.

Этот смех был как прикосновение чего-то мягкого и пушистого. Он прошёлся вдоль позвоночника, оставив после себя ощущение теплоты и лёгкости, и Родину самому захотелось рассмеяться.

Просто так. Не потому что это план по соблазнению. Просто так...

— Давай лучше сначала допьём, — произнесла Оля, чуть наклоняя голову, и сделала глоток из стаканчика с кофе. — Минут десять потратим, ничего страшного. Я ведь сильно заранее вышла.

Родин проследил за движением её губ и сам сделал глоток, пытаясь скрыть собственное возбуждение. Невероятно, но эта девчонка, не делая ничего специально, умудрялась действовать на Артёма так, что у него из головы начисто пропадали все мысли, кроме неприличных.

— Ладно, давай так и сделаем, — сказал Родин, вновь изучая Олины губы. Сейчас они были чуть влажными, и ему безумно хотелось поднять руку и потрогать их. А ещё лучше — чтобы Оля пососала ему палец. И не только палец... — Кхм... Ты подумала над моим предложением?

— Подумала, — Оля кивнула, тут же помрачнев. — Прости, но тебе и правда лучше поискать другую кандидатку. Я не подхожу. Актриса из меня не очень, да и стыдно. У нас в группе полно девчонок, какая-нибудь...

— Мне не нужна «какая-нибудь». Мне нужна ты.

24

Оля

Услышав это «мне нужна ты», произнесённое серьёзно и проникновенно, Оля слегка вздрогнула. Артём говорил таким тоном, словно был влюблён, — да уж, феноменальные актёрские способности. Такой парень соврёт с три короба, толком не напрягаясь...

И эти его взгляды... Горячие, как уголь из костра, откровенные, проникающие под одежду взволнованными мурашками... Как у Родина получается так притворяться? Оля решительно не понимала этого. Одно она знала точно: если бы не предыдущие два года знакомства с Артёмом, она бы, скорее всего, поверила, что он действительно влюблён. И не в Киру, а в Олю. Но так не бывает. В фильмах и книгах если только, а в жизни — нет.

И тем не менее что-то восторженно замирало внутри. Наверное, это была крошечная капелька женского тщеславия, которой нравилось быть в центре внимания такого ловеласа, как Родин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.